Елена Ершова

Деревенские истории

Сборник рассказов

Фонд «Культурное наследие Вятки»

Елена Ершова

Деревенские истории

Сборник рассказов

2018 год

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44
Е 80

Е 80 Ершова Е. И
Деревенские истории [Текст]: сборник рассказов / Е. И. Ершова. – Киров: - ООО «ВЕСИ», 2018. – 128 с., ил.

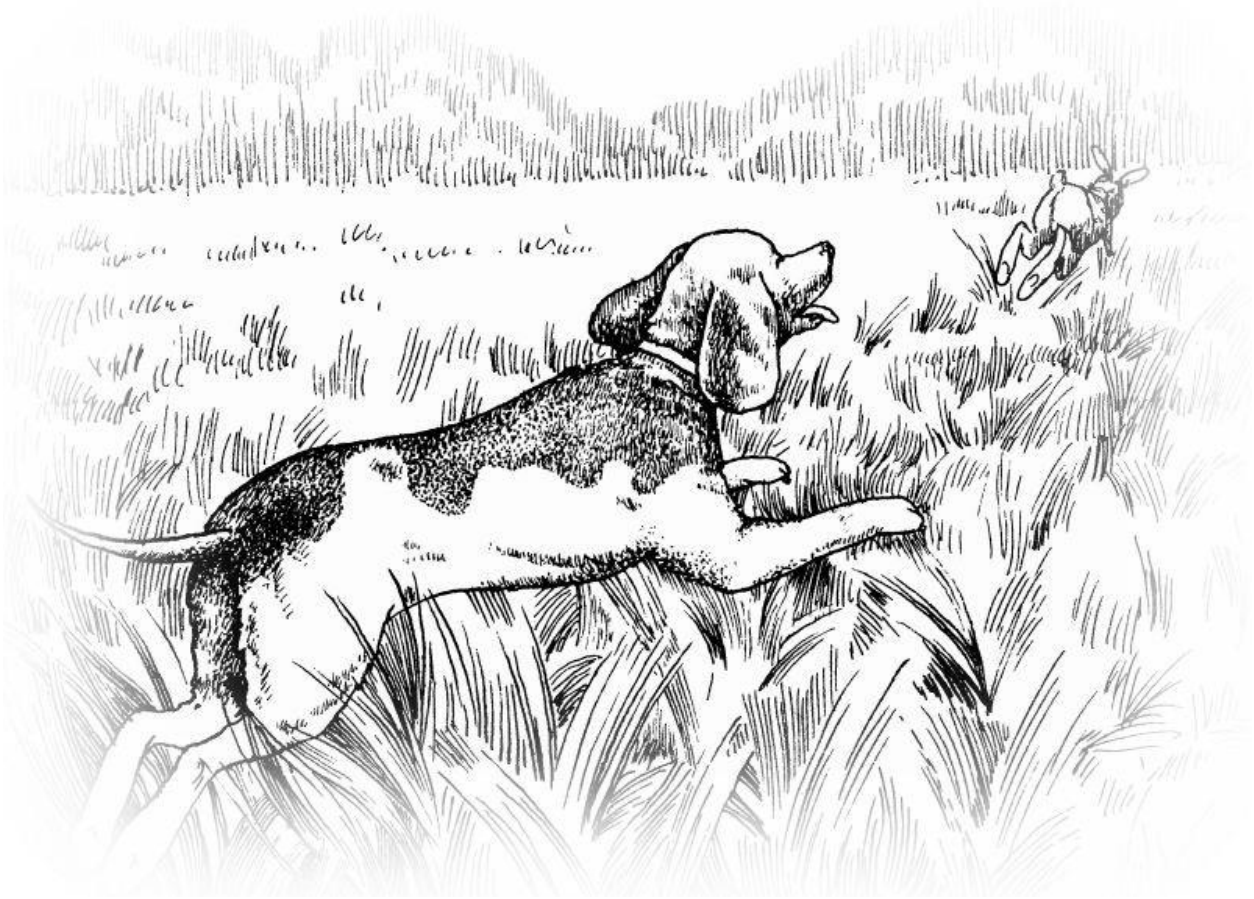
ISBN 978-5-4338-0373-2

Автор выражает благодарность президенту фонда «Культурное наследие Вятки» Баженову Виктору Викторовичу и депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Валенчуку Олегу Дориановичу за помощь в издании данной книги.

ISBN 978-5-4338-0373-2

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44

© Ершова Е. И., 2018 г.



Профессор

Сашка уже не однажды ходил с отцом на охоту, но в этот раз ему впервые доверили настоящее охотничье ружье – отцовскую двустволку – старенькую «тулку» 16 калибра – подарок на 14-летие.

- Ты уже настоящий мужчина, - сказал тогда отец, похлопав его по плечу и вручив это именное ружье, сохранившееся еще от деда. Сашка тогда был на седьмом небе от счастья. О ружье он уже мечтал давно, а еще о таком, которое уже пристреляно и повидало на своем веку немало, он даже и думать не мог.

Сегодня Сашка шел за отцом след в след по свежему, пушистому, выпавшего за ночь снегу. Он шел, гордо подняв голову – сейчас его тоже по праву можно было назвать настоящим охотником.

Еще вчера он самолично готовил патроны к охоте, набивая их порохом и дробью, после чего аккуратно заливал пыжи парафином от свечки. А потом долго и упорно смазывал и чистил шомполом ружье, ласково поглаживая его ложе.

Отец все это время горделиво искоса поглядывал на него, видя как сын заботливо и по-мужски основательно готовится к охоте.

- Ну, все, мать, настоящий охотник растет в семье, - говорил он с восторгом, лукаво подмигивая жене.

- Вот, глядишь, чем не видишь, и подстрелит завтра белячка. Вот тогда и утрет мне нос, - посмеивался он.

- Ну, ты уж сказал! Хоть бы ноги обратно принес, не говоря уже о добыче, - усмехалась мать.

А Сашка как бы и не слышал их разговора, продолжал дальше собирать рюкзак и все остальное, что пригодится завтра в лесу. Потом улегся спать, так как отец сказал, что поднимет его рано.

- Эх, хорошо сегодня подпуржило, – покряхтывал от морозца отец, скрипя лыжами по свеженькому снежку.

- След по свежечку сразу виден, да и собакам легче работать, - радостно восклицал он, обращаясь к Сашке. А впереди бежала их любимая собака – выжлец, гончий Азор. Он очень хорошо работал по зайцу, поэтому чуть, зачуяв след, моментально растворился меж заснеженных елей. Лишь только его мелодичный лай, доносившийся уже где-то из глубины леса, давал знать, что он погнал зайца.

Тут и Сашка с отцом увидели свежий заячий след. Он вел куда-то меж деревьев. Потом как будто исчезал из виду и снова появлялся, но уже почему-то совсем в стороне.

- Это заяц так петляет, – объяснил Сашке отец, - запутывает след, уходя от погони. Но мы с тобой за ним не пойдем, а будем выжидать здесь, где была его лежка, откуда и поднял его Азор.

*Собака – выжлец – ищейная, гончая собака.

- Сколько бы заяц не петлял по лесу, он все равно возвращается к лежке, - поучал отец. – Вот сейчас и будем мы с тобой ждать, когда Азор выгонит его на нас. Ну, а уж наша с тобой задача, Сашка, вовремя успеть вскинуть ружье и попасть в цель. Правильно я говорю, сынок?! - подбадривал он его, разжигая в нем охотничий азарт.

- Вот сейчас смотри сюда, - он показал на опушку, расположившуюся меж зарослей молодого пушистого ельника. – Здесь его всех удобнее будет взять, тут он весь на виду.

- Что ж, это твоя первая настоящая охота, вот и покажи, чему я тебя научил, – подзадоривал его отец.

- Ну все, сейчас замри, - приказал он, – слышишь Азор где-то совсем рядом заливается? Значит, заяц вот-вот должен быть здесь!

- Целься так, как я тебя учил, - давал он последние наставления, меться не прямо в цель, а бери поправку на скорость. Ведь заяц не будет стоять и ждать тебя, когда ты в него выстрелишь. Он бежит, а ты должен попасть – на то ты и охотник! Приклад сильнее прижимай к плечу, - советовал он, – иначе отдача большая – плечо отобьет.

- Ну что, приготовься, вояка! – по деловому приказал он Сашке.

Немного погодя, заяц действительно выбежал на опушку. Но тут же быстро снова скрылся между елей. Следом за ним показался Азор и тоже исчез в том же направлении.

- А, пропустили! – с досадой выдавил Сашка, не успев выстрелить по зайцу.

- Ничего, ничего, это еще не конец, - успокаивал его отец. – Сейчас он побежит по второму кругу, - вдохновлял он сына, полагаясь на свой опыт.

И, действительно, через некоторое время опять стал все ближе и ближе доноситься до них лай Азора.

- Вот он опять ведет его сюда, приготовься, - снова скомандовал отец.

Но нет, лай вдруг исчез, удаляясь все дальше и дальше. И так несколько раз, он то приближался, то снова растворялся где-то в глубине леса.

У Сашки уже замерзли руки, и он устал держать ружье наготове.

- Что-то я никак не пойму, - вдруг заговорил отец, - вроде бы Азор гонит зайца на нас и в то же время снова уходит в лес. Наверное, опытный косой попался и водит его за собой по следу, - говорил он как бы с Сашкой, но в то же время и сам недоумевал, почему беляк не появлялся на опушке. Азор уже несколько раз пробегал мимо них, идя по следу, или иначе «висел» на хвосте у зайца, а того так и не было видно.

- Ничего не понимаю, - путался отец в догадках, - видно старый белячок попался, раз так умело водит за нос собаку. Да и с Азором такое творилось впервые, чтобы он не выгнал зайца на него, такого еще не было.

- Тут что-то, Сашка, не то, - сделал вывод отец. – Ну-ка, пошли по следу и поглядим, что там стряслось.

И они пустились вперед по опушке, испещренной заячьими следами.

Когда они вошли снова вглубь ельника, то не предполагали и сами увидеть такую картину. Среди разлапистых елей, почти в самом центре небольшой полянки торчал пень, примерно с метр высотой, а на нем… белой кочкой сидел заяц! Он от страха приложил уши, и осторожно озираясь по сторонам, внимательно следил за происходящим. А в это время Азор с диким лаем давал уже который круг по лесу, идя по следу, но не находя добычи. Он и не догадывался о том, что заяц так удобно и безопасно устроился здесь на пеньке, как бы надсмехаясь над незадачливым псом. Мол, бегай, бегай, а я пока тут посижу! Видимо, заяц был чересчур умным и, встретив на пути этот пень, сделал скидку на него. Но даже отец, уже маститый охотник, и повидавший многое, и то был порядком удивлен. Он восторженно загоготал, любуясь умным зайцем.

- Ну, профессор! Просто настоящий профессор! В первый раз вижу такого умнягу, - торжествовал он. – Нет, Саш, ты видишь, до чего додумался? Это ж надо!

Отец в этот момент забыл даже и о том, что нужно было вскидывать ружье и бить по живой мишени, которая была от них, буквально в пяти шагах.

- Эй, косой! Эх-эх-эх! – закричал он, что есть силы, прихлопнув в ладоши.

- Ну, беги, чего ж ты смотришь, дуралей?! Ну не могу я тебя, такого профессора убить! А вдруг ты такой один! – смеялся он над опешившим зайцем. Потом беляк встрепенулся, как бы оценив происходящее и, что есть мочи, припустил наутек.

Конечно, жалко было возвращаться домой без трофея, тем более, что достать его было проще простого – заяц сидел, как статуэтка, знай - стреляй.

Но зато, сколько потом было рассказов дома об умном и находчивом зайце. Это, наверное, даже было лучше, чем добытый на охоте зверек. Охотничьи байки тоже многого стоят, тем более такие случаи встречаются исключительно редко. Зато сейчас Сашке было чем похвастаться перед своими сверстниками, они-то наверняка такого еще не видели!

Подарок судьбы

Гостья

Круглов проснулся от того, что кто-то настойчиво звонил в дверь.

- Кого еще там несет? - бурчал он себе под нос, на ходу надевая шлепанцы. Круглов машинально взглянул в дверной глазок, ожидая там увидеть давно знакомую небритую физиономию очередного собутыльника, но за дверями стояла довольно миловидная женщина.

- Интересно, что ей нужно? – подумал Круглов.

Он открыл дверь, не понимая, что забыла в его квартире эта особа. – Наверное, просто ошиблась адресом, - решил он.

- Извините, это квартира Круглова? - заметно волнуясь, проговорила незнакомка. И как бы еще сильнее съежилась, увидев давно небритое, заросшее лицо Круглова. Его щетина торчала во все стороны, как стерня на скошенном поле. Оправившись от испуга и смущения, она повторила:

- Круглов Вячеслав Михайлович здесь живет?

- Д-д-д-да! – вдруг начал заикаться Круглов, ничего не понимая в происходящем. Откуда может знать его эта женщина? Может быть, страховой агент или из домоуправления? Хотя в такое время?! Было уже около девяти вечера.

- Да, это я! А что вы хотели?

Женщина замялась, почему-то не решаясь ответить на его вопрос. Круглов всеми внутренностями ощущал ее изучающий взгляд. Он терялся в догадках. А незнакомка медлила с объяснением своего визита. Вдруг она подхватила свои увесистые чемоданы (Круглов их только сейчас заметил) и спешно стала спускаться вниз по лестнице, цокая каблучками.

- Ненормальная какая-то! - сделал он единственное понятное умозаключение, и захлопнул дверь.

- Странно вообще-то, чего ей нужно было? – все еще размышлял он, снова устраиваясь на своем уже остывшем ложе. – Похоже, приезжая какая-то. Наверное, ошиблась адресом. И тут Круглова словно кто окатил кипятком:

- А куда она сейчас пойдет, ведь уже поздно?

Аня

Круглов вскочил и бросился вслед за незнакомкой. Выбежав во двор, он увидел ее, съежившуюся на краешке скамейки. При виде Круглова женщина встала, не зная, что ей делать.

- Вы меня, извините, - начал было он, - я вижу, что вы не москвичка, и я не понял, кого вы ищете. Вы, наверное, ошиблись адресом? Сколько нас, Кругловых, на белом свете…

Незнакомка, как бы успокаивая себя, отвечала:

- Похоже, так! Если у вас в Москве две улицы Паустовского, то я, действительно, попала не туда. Я ищу вот этого человека. Тут она достала из сумочки фотографию и протянула ее Круглову.

- А на обратной стороне – адрес, - пояснила она, - Может быть, вы знаете, как его найти?

Круглов взглянул на фотографию и обмер… На ней был он! Да, да, это он фотографировался пять лет назад, когда ездил в отпуск на море вместе с друзьями.

Круглов почувствовал, что покрывается испариной. В более нелепом положении он себя еще никогда не ощущал. Но взяв себя в руки, он решил, что это, возможно, какая-нибудь дальняя родственница, так сказать седьмая вода на киселе, которая приехала сюда в Москву поступать и решила пока пожить у него.

- Извините, а вы кто будете? – начал юлить Круглов, перебирая в памяти всех родственников, более или менее схожих с этой особой.

- Я и есть тот самый Вячеслав Михайлович, которого вы ищете. А вы кто будете?

Незнакомка уставилась на собеседника ничего не понимающими глазами, все пристальнее вглядываясь в его лицо.

- Я? Я Аня! – ответила она смущенно.

- Какая Аня?

- Ну, та… Мы еще с вами переписывались. Неужели вы не помните? - и она снова полезла в сумочку, достав оттуда пачку писем.

- Вот! - протянула она их Круглову.

Он стал внимательно разглядывать конверты, ничего при этом не понимая. И, наконец, опомнился:

- Да что же я вас на улице держу? Проходите, пожалуйста, в дом, вы ведь уже замерзли.

Они поднялись в квартиру.

- Проходите, раздевайтесь. Сейчас я вас чаем напою, согреетесь. Ну и поговорим, за одним и разберемся, что к чему. А то я что-то никак в толк не возьму, о чем идет речь.

Он заботливо начал бренчать в кухне чайником, створками шкафчиков, доставая оттуда содержимое.

- Да вы проходите, проходите, - приглашал он смущенную гостью на кухню, - что уж делать, раз так получилось. Не бойтесь, я не кусаюсь. А за беспорядок, конечно, извините, бывает… Он усадил Аню за стол, а сам снова взял в руки письма.

- Как я понял, эти письма написал я? – с иронией в голосе спросил он.

- Да! - ответила Аня.

- Разрешите, я немножечко вспомню их содержание?

- Конечно, конечно! – кивнула гостья. Круглов целиком погрузился в изучение писем.

«Дорогая Анечка! – начал читать он первое письмо. – В одном журнале я прочитал о том, что вы хотели познакомиться с порядочным мужчиной, без вредных привычек, который бы любил детей, а самое главное - непьющим. И я решил, что, может быть, этим мужчиной смогу для вас стать я. И о себе…».

И тут Круглов прочитал о себе столько положительного, что понял: если существует эталон настоящего мужчины то это – он сам. Ему стало нехорошо. Он чувствовал себя самым последним идиотом. Фотография была его, письма – получается, тоже его, но писал их явно не он, это был не его почерк.

- Не мой почерк, не мой, но чей же? – думал он. И тут его осенило. Он еще раз глянул на письмо.

- Колька, гад! Колька! Точно Колька! Это его иероглифы. Это он давно меня пытается женить! Ах, паразит! Пошутить решил, остолоп! – мысленно ругался он.

Круглов резко встал из-за стола, испугав незнакомку.

- Извините, вы кушайте, а я сейчас.

Он выскочил в прихожую, подбежал к телефону, судорожно набрал Колькин номер. Никто не отвечал…

- Дрыхнет, наверное, - чертыхался про себя Круглов, и глянув на часы, заключил, - точно, дрыхнет! Было около часа ночи.

- Ну что ж, я тебе завтра устрою такую службу знакомств!.. В душе у него все кипело.

Круглов вернулся на кухню. Анечка за время его отсутствия, видимо, и не шолохнулась.

- Спасибо большое! Может быть, я пойду?

- Да куда же вы ночью? – в сердцах проговорил Круглов. – Не беспокойтесь, переночуете у меня, а завтра мы во всем разберемся. Ничего, все уладится, - сказал он, успокаивая ее, но больше того, наверное, себя. Он постелил Ане в гостиной, а сам снова вышел на кухню.

Гостья не спала. Ей было слышно, как Вячеслав нервно вышагивал на кухне. Он тоже не мог заснуть после всего произошедшего. Аня лежала и думала о том, как же такое могло случиться? - Наверное, и он сейчас думает об этом? - переживала она. А потом и сама не заметила, как заснула. Видно, сказалась усталость после дальней дороги.

Спала она недолго. Проснувшись, Аня поняла, что Круглов до сих пор еще не ложился, но выйти на кухню побоялась. Так, в раздумьях, она пролежала до самого утра. А под утро снова, как будто провалилась в сон.

Проснулась Аня, когда часы показывали уже около десяти утра.

- Что же это я? Ну я и спать! – пристыдила она себя.

Она быстренько вскочила с дивана, оделась и вышла из комнаты. Побродив по квартире, поняла, что она одна, а на кухне наткнулась на записку: «Анечка, я скоро вернусь. Не исчезайте! Слава.»

Но Аня все же решила, что лучше будет, если она «исчезнет». Она оделась и собралась уже уйти, но в последний момент вернулась.

- Нет, нехорошо, если я сейчас уйду, не поблагодарив человека за ночлег. Ему и так сейчас плохо, столько хлопот я ему доставила, – думала она. – Кто же так неудачно подшутил над ним?

Но и себя ей сейчас было тоже жаль, пожалуй, не меньше. Обидно, что все эти письма были липовыми. А как хорошо кто-то писал! А я уже было влюбилась, вот дура, да и на фотографии он довольно симпатичный. Нет, все же верно люди говорят: нет в жизни счастья…

Вот оно счастье!

Дверной замок щелкнул, и вошел Круглов. Но это был уже не тот, вчерашний, а какой-то совершенно новый Круглов. Он был чисто выбрит, неплохо, со вкусом, одет.

- Вы уже встали? Что ж, очень кстати! А я вот тут немножечко прикупил кой-чего, все же вы моя гостья. А это вам, – и он протянул Ане букет роз нежно-розового цвета. От неожиданности она не знала, что делать. Аня робко приняла букет, да так и осталась сидеть с ним. В горле что-то сдавило, от неизвестно откуда свалившегося счастья… Ей давно никто не дарил цветов, даже к праздникам, а тем более «просто так».

- Господи, это мне? – только и проговорила она.

- А кому же еще?! Такая прекрасная женщина посетила мои хоромы!

- А сейчас минуточку терпения. Мы устроим праздничный обед в честь незваного гостя! Да нет, простите, это я шучу, - осекся Круглов, – в честь прекрасной гостьи!

Он снова скрылся на кухне. Минут пятнадцать там что-то бренчало, стучало, звякало, а потом Круглов появился в комнате с подносом, на котором красовались фужеры, бутылка шампанского, яблоки и виноград.

- Прошу к столу, а я сейчас!

Круглов и сам не узнавал себя, давно он с такой радостью не ухаживал за женщинами. Как будто бы эта незнакомка вдохнула в него новую жизнь. Он был сейчас именно тем, кем был на самом деле. Добрый, отзывчивый, говорливый. Создавалось впечатление, как будто эту Анечку, он знал уже давным-давно, и она казалась ему сейчас самым близким и родным человеком.

Круглов снова исчез на кухне. Стол в гостиной постепенно наполнился различными сладостями, дорогими конфетами в коробках, которые сама Аня покупала лишь по случаю большого торжества, на день рождения или на восьмое марта. Круглов наполнил бокалы шампанским.

- Выпьем за очаровательную незнакомку, то есть за вас!

- Ну, что вы? - засмущалась Аня. - Какая же я очаровательная, самая обыкновенная…

- Нет-нет, пьем именно за самую очаровательную незнакомку!

- А вы угощайтесь, угощайтесь! – командовал Круглов. - Сегодня у нас праздник! Меня давно не посещали столь прекрасные существа, обитающие на нашей планете, - пытался шутить он.

Он снова наполнил бокалы:

-Ну, а сейчас, если не возражаете, выпьем за знакомство!

- Не возражаю! – Аня все еще чувствовала себя не в своей тарелке.

- Если можно, расскажите мне о себе, - прервал ее мысли Круглов. – Ведь я-то не получал ваших писем и практически ничего не знаю о вас. А обо мне, судя по тем посланиям, что я прочитал сегодня ночью, вы знаете практически все.

Аня сначала несмело, а потом уже более решительно стала рассказывать о себе, видя то, с каким вниманием слушает ее собеседник. Рассказала о том, как окончила пединститут, как поехала по распределению работать в деревню, где ей приходилось из-за нехватки учителей вести и географию, и историю, и английский, и даже быть директором школы. Как потом влюбилась и вышла замуж за местного парня, жизни с которым в итоге не сложилось – она не смогла простить измены. И о том, как однажды получила вот это первое письмо от совсем незнакомого человека. А потом еще и еще. О том, что в службу знакомств написала просто так, от нечего делать - решила проверить, можно ли так, действительно, познакомиться. И вот…

Она все говорила, говорила, как будто бы хотела излить свою душу вот этому незнакомому человеку, «выплакаться в жилетку». Хотя, если честно, она приехала к нему, можно сказать, насовсем. Ведь он писал, что хотел бы сохранить квартиру в Москве и ждет Аню к себе. Но если ей не понравится у него, то держать не станет.

Встретились два одиночества

Круглов слушал ее и думал: «Надо же, видимо, на земле не он один такой – миром обиженный. Вот и она тоже не может найти свое счастье в жизни. А вроде бы чего еще нужно: симпатичная, да и характер, кажется, ничего. Глупые мы, мужики, гоняемся за журавлем в небе, а синичек порой и не замечаем. Нам ведь подавай самых модных, красивых, крутых. А что они могут-то, эти свистушки, только задом вертеть, а в голове ветер гуляет, и душа пуста, как кошелек перед получкой. С ними и поговорить-то не о чем – на уме одни тряпки, да деньги»…

- Эх, Круглов! - пристыдил он себя, - а ведь ты тоже шею выворачивал, глядя на этих красоток. Да только для семьи не такая нужна…

- Вы меня не слушаете? – озабоченно прервала его мысли Аня.

- Да, да, что вы, даже очень внимательно слушаю, так немного о своем задумался.

Аня продолжала свой рассказ о себе.

- Вот, наверное, из таких, как Аня, жены получаются отменные, - думал о своем Круглов, разглядывая ее. – Но только она сейчас, осекшись раз в жизни, будет выбирать мужа уже не по одежке. Наверное, поэтому и написала в службу знакомств, не веря в то, что на земле еще могут быть настоящие мужчины.

- Да, Круглов, из тебя тоже жених незавидный! Вот и пить стал от одиночества, иногда и глаза бы не смотрели на себя – до того «хорош» бываю. Хотя, если в жизни все устроится, то пить для меня бросить пара пустяков, в конце-концов.

- Я, наверное, вас утомила своей болтовней?

- Нет, что вы! Анечка, а вы в Москве первый раз?

- Да, а что?

- Хотите, я покажу вам свою Москву?

- А это удобно?

- Удобно, удобно, даже очень удобно! Ведь вы же моя гостья! Не виноваты же вы, что все так получилось. Хотя я даже, если честно признаться,

очень рад, что все так случилось. Я давно не общался с такими приятными девушками. Как у вас со временем?

- Вообще-то я взяла отпуск…

- Вот и прекрасно! Я работаю по сменам. У меня еще два выходных. Ну, тогда пошли гулять по Москве?!

Они гуляли по улицам столицы. Он показывал ей достопримечательности Москвы. А потом они побывали на улицах его детства. Заглянули в тот старый двор, где когда-то семья Кругловых жила в коммуналке. Аня и не подозревала, что и в Москве могут быть старые скособоченные дома. Ей Москва представлялась лишь такой, какой была на открытках, красивая, большая, неповторимая.

А потом они зашли в кафе и Слава снова подарил ей цветы. Аня была так счастлива от всего происходящего вокруг нее.

- Ну как тебе Москва? – спросил Круглов Аню, когда они вернулись домой.

- Просто чудесно! Но немножечко и разочаровалась. Мне казалось, что в Москве не может быть грязных улиц или обшарпанных домов. Я почему-то представляла ее всю в розовом цвете.

- Значит, тебе не понравился мой город?

- Я этого не сказала! - смутилась Аня.

- И ты не останешься здесь жить?

- В каком смысле? – не поняла она вопроса.

- В самом прямом. Я делаю тебе предложение - выходи за меня замуж! А что медлить, - думал Круглов, - надоело уже жить одному, а она вроде бы ничего. Почему-то у него было такое впечатление о ней, хотя Аню он видел впервые, но как будто они давно знают друг друга. И с ней было так просто и так хорошо, что он даже уже и не вспомнит, когда так же прекрасно было у него на душе.

Воцарилось молчание. Аня еще ближе прижала к себе букет, спрятав за цветы свое лицо.

- Молчание – знак согласия?! - переспросил он. Но Аня не успела ничего ответить. В дверь позвонили.

- Извини, я открою, - засуетился Круглов.

В квартиру ввалилась подвыпившая орда. В руках бутылки с вином, консервы, буханка хлеба.

- Ну что, Круг, накрывай на стол, ресторан приехал!

- Да тише вы, не ломитесь, черти!

- О, да ты не один! - заметили они Аню, пройдя в гостиную.

- О, какая симпапулечка! – залебезил один из них, подходя к Ане. – Разрешите с вами познакомиться очаровательная незнакомка. Меня зовут Витек, а вас? – дыхнув перегаром, полез к ней с поцелуем мешковатый детина.

Аня отстранилась от него, брезгливо поморщившись.

- Ты, Витек, потише на поворотах! - завелся Круглов, видя назойливость и беспардонность своего дружка. – Анечка, ты не переживай, я сейчас все улажу. Я только на пару слов.

Круглов завел троицу пьяных пришельцев на кухню. Оттуда доносились какие-то фразы, из которых Аня расслышала, что Слава благодарил какого-то Коляна, видимо, одного из тех, кто был в этой компании, за бесценный подарок, подарок судьбы, что он ему преподнес.

- А сейчас, извините, у меня гости! - доносилось уже из прихожей. – Приходите завтра, но только трезвые.

- А мы хотели… А ты…, - затянула компания в один голос, обижаясь на негостеприимство своего друга.

- Нет, я больше не пью!.. Извините, уж так получилось…

- Так это она и есть? – уже уходя, еще раз заглянул в комнату Колян, бросив оценивающий взгляд на гостью. – Ничего себе! – присвистнул он. – Вот уж не думал, что так удружу. Вот уж постарался для друга что надо!..

В память о родине

Мама

- Ты бы, Володюшко, свозил бы меня как-нибудь на родную-то земельку, - жалостливо просила мать, лежа в постели. – Видно уже помру нынче, – продолжала она.

- Ну, ты опять за свое! – недовольно пробурчал сын.

- Так ведь, сынок, каждому свой срок написан. Сколько уж Бог дал! Да и за это благодарна ему, все же пожила.

- Да, что ты, все еще уладится. Ты еще правнуков успеешь понянчишь! – успокаивал он ее. – Вон Сашка-то уже какой вымахал, скоро, глядишь, и женится!

- Да, что ты, что ты, где уже мне? Видно уж не отпустит меня болезня-то, здорово нынче скрутила.

- Ну, что ты раньше времени-то себя хоронишь? – уже нервничал Володя. А сам все же в душе и, действительно, не надеялся на то, что мать на этот раз выздоровеет – ослабла сильно. Хотя еще строил какие-никакие надежды на ее выздоровление.

- Раньше, не раньше, Володюшко, а ты бы все же свозил меня в деревню-то. Вся душа изнылась, изболелась по родным-то местам. Хоть бы одним глазком взглянуть на свой домик, как он там, поди́ уж совсем развалился. Съезжу, погляжу, да и помирать спокойно можно. Вот и во сне мне все снится деревня-то моя. Иду я будто по ней, по обе стороны все дома, да такие справные, а я все свой дом отыскать хочу. Иду, все иду, а его все не видно. Наконец, дошла. Вхожу в дом, а вместо него вдруг какая-то пустота получилась. Я оглядываюсь вокруг, а дома-то моего нет, стою как посреди пустого поля. Я села и реву, реву. Так вдруг жалко стало, что дома моего уже нет… Проснулась, а на душе до того тяжело, будто камень пудовый на грудь положили.

- Подожди немножко, мам. Вот скоро у меня отпуск, тогда и съездим все вместе с Тоней, Сашкой на твою родину.

- Почему ж на мою-то? И на твою тоже! Ведь ты-то тоже там народился. Ой, помню, как тебя прямо в поле родила, – вдалась в воспоминания Клавдия Егоровна, - домой в подоле принесла. Все боялась, что застужу тебя, осень ведь уже была. Обмотала тогда я тебя в кой-какую одежонку, с себя сняла, да и домой бежать скорее. А на следующий день опять в поле. Это сейчас с дитя́ми-то сидят по три года, нянчат, да нежат их. Раньше нам некогда было рассиживаться, в поле-то некому работать, а хлебушко убирать нужно. Раньше ведь мы серпом жали… Это сейчас комбайнами проехали и мигом поле убрано. А тут за каждым колоском нужно было наклониться. И ведь все поля вручную убирали дочиста, ни

одного колоска не оставляли после себя, а сейчас даже комбайнами не так чисто убирают, может, просто обленились?..

Володя слышал все это, буквально, сотню раз, но каждый все слушал и слушал мать. Он всегда думал в такие моменты о терпении и трудолюбии таких женщин, как его мать. А сколько их тогда на Руси было?!

- Раньше ведь с вами, с дитя́ми-то и сидеть-то некогда было, - продолжала мать свои воспоминания, - все на работе, да на работе. То в поле, то на сенокосе, целый год все какая-то работа была. Всю жизнь трудились от зари и до зари, а что заработали? – только палочки – трудодни, да вот все руки повыдергивали таким трудом, то и сейчас ломит спа́су нет. Когда уж с вами водиться-то? Наймешь вот какую-нибудь песту́нью – соседскую девчонку и все. Вот и сидела она целыми днями с ребятя́тами, а мы все на работе.

- А когда Колюшка появился, - продолжала мать, - ты уже росленький был и сам водился над ним. Так друг над дружкой и выводились, а ведь вас у меня четверо!..

И, действительно, - снова и снова размышлял Владимир, - как хватало сил этой хрупкой женщине, которая одна, в войну смогла воспитать и выучить четверых детей, отец наш еще погиб в сорок первом.

Мать на работу, а мы сидим, как птенцы с открытыми ртами, и все ждем ее с работы, когда она придет и нас чем-нибудь накормит. А что она могла тогда приготовить, если дома хоть шаром покати, если только что похлебку из сушеной крапивы да горсткой муки. Или «мешанку» сделает, а из чего она тогда готовилась, мне уже и не вспомнить. Просто царским блюдом для нас была тогда картошка, причем в любом виде, ну а уж если тушеная, тут и слов нет! Радовались, как медовому прянику. Но такие кушанья были у нас редкостью. Труднее всех приходилось зимой, поэтому мы с таким нетерпением всегда ждали весны, а там уж до лета и рукой подать. А уж летом нас кормил огород. Прямо с грядки ели мы и огурцы, и репу, и морковь, оботрешь их лопухом и ешь, и ничего. Как-то не болели. Это сейчас мы боимся всякого микроба, все моем, да трем.

Ну и, конечно же, настоящим кормильцем был для нас лес-батюшка, что ягоды, что грибы, все это уже лежало на нас. Мать с утра в поле, а мы, кто постарше в лес, заготовляли впрок, да и так ели, а то на базар сносили – продавали, а на эти деньги мать могла купить хоть немного муки.

Помню, как играя, мы «пекли» для себя пирожки из ягод. Заворачивали их в лист подорожника и ели… Вот и все кулинарное искусство. Сейчас, наверное, бы мне такое и не съесть… Бывали и такие дни, когда в доме совсем нечего было поесть.

Как-то раз вечером пришла мать с фермы уставшая, а мы сидим на печке, греемся, все же зима была и избу здорово за день выдувало, а печка как-никак долго в себе тепло хранила. Вот так сидим и ждем ее с работы.

Она только в дом вошла, мы сразу же все повыскакивали к ней с печки, окружили ее и голодными глазами смотрим на нее, вдруг мама что-то принесла сегодня, чтобы накормить нас. А она села на лавку у стола и заревела…

- Нечем мне вас кормить сегодня, нечем… - и еще сильнее заплакала. - Ох, наказание-то какое… А сама еще сильнее реветь…

Эта зима очень трудной выдалась, холодной была и очень голодной. Даже волки из леса в деревню пришли, видимо, и им там тоже не хватало пищи. Так они почти всех собак в деревне переели. Уцелели лишь самые сообразительные, которые при виде волков, мигом метались в подворотню и сидели там, не издав ни звука.

В этот вечер мы так и уснули голодные. Сон, конечно же, не шел, в животе бурчало, а кушать хотелось, страсть как… Мать в такие голодные дни только одно предупреждала нас, чтобы мы воды поменьше пили, иначе животы раздует.

Наутро, когда мать снова ушла на ферму, мы, ребята, посовещавшись между собой, решили, что пойдем в соседнюю деревню попросить какой-нибудь еды – сами кушать очень хотели, да и мать голодная тоже. Она, милая, все, что было, все нам скармливала. А сама частенько так и ложилась голодной спать. И пошли мы все вчетвером в соседнюю деревню и Мишку с собой прихватили, хотя ему был-то всего третий годок. Уж больно он жалостливо ныл, и потому мы решили, что с ним нам больше подадут. А что нам могли дать в соседней деревне, когда кругом голод, у них и у самих-то пузо голо, но все же кой-чего мы насобирали.

Пришли домой радостные, разложили всю свою «добычу» на стол и стали мать дожидаться. Вот, мы думали, как она обрадуется, что сегодня будет что покушать. Еле дождались, сил не хватало удержаться от соблазна, чтобы что-нибудь не съесть. Правда, Мишке дали кусочек хлеба, сил больше не было слушать его вопли. Дождались, пришла с работы мать, а мы все сидим за столом и молчим. Пусть, думаем, мать заметит, что сегодня стол не пустой.

А она когда увидела «яства» на столе, сразу же к нам с вопросом:

- Откуда вы это все взяли? – только и спросила она.

Ну, мы ей и поведали, да с такой гордостью, как мы сходили в соседнюю деревню. Расхваливали себя, какие мы находчивые, да ловкие. А мать вместо того, чтобы порадоваться нашей добыче и поблагодарить нас за это, так отлупезила нас, приговаривая: «Не сметь этого больше делать, не сметь! Мы не нищие, не нищие мы!»

А сама в слезы, а вместе с ней и мы… Торжествовал лишь один Мишка, он в это время пока мать нас мутузила, аппетитно уплетал под столом надаренное. За это ему, конечно, тоже досталось, ведь все же хотят есть, не

только он один. Мишка обиженно сопел в углу, а мы все вместе доедали оставшееся. Но все же в этот вечер мы легли спать не голодные.

На следующий день мать пошла в соседнее село и устроилась там еще и на работу санитаркой в местную больницу. Ох, и тяжело же ей было тогда – днем в колхозе, вечером в больнице прибиралась и ухаживала за больными. Правда, мы ее очень жалели и помогали всем, чем могли по дому. Все наше неказистое хозяйство было на нас: печку истопить, воды наносить, полы помыть, а иногда даже и что-нибудь приготовить. Мама научила немножко этому Варюху, ей все же уже было восемь лет, да она самая старшая из нас была.

Когда мать устроилась работать в больницу, жить стало гораздо легче. С больничного стола и нам кое-что перепадало. Не все больные доедали и мама все остатки пищи аккуратно складывала в банки и несла домой. Тут и каша была, и суп, а иногда и доставался хлеб, пусть даже и надкушенный. Зато настоящий, душистый из муки, а не такой, какой мать пекла вперемешку с травой.

До сих пор все это вспоминать было очень больно, каждый раз комок к горлу подступает. И до сих пор никак не укладывается в голове, как мы тогда выжили в такое сложное для страны время.

Земляки

Мама не успела дожить до моего отпуска. Слишком долго пришлось его ждать, то напарник заболел, то что-нибудь поломалось, то в командировку съездить некому…

И вот сейчас я с глубоким чувством вины ехал в мамину деревню и на свою малую родину.

Автобус лихорадило, когда он проезжал по выбоинам и колдобинам проселочной дороги.

- Вот уж, действительно, верно, - думал я снова, - что в России две беды – дороги и дураки. На счет дураков, конечно, частенько приходилось сомневаться, а вот о дорогах, увы, нет.

Автобус – маленький ПАЗик, снова тряхнуло так, что он на мгновение, вместе с пассажирами как бы завис в воздухе. При этом, сидящие в автобусе, от толчка, как будто по команде, все дружно привстали. А кто не успел, тот сейчас смачно чертыхался после совершения «мягкой посадки».

- Тебе только молоко возить!.., - съязвила одна из пассажирок в адрес водителя, - вот уж сразу бы из города вместо молока масло привез!

- Я что виноват, что ли, если дорога такая?! – защищался водитель, не нравится – пешком ходите.

- Ладно, Федя, ехай, давай, ехай! Но все ж можно бы и потише, чай не дрова везешь, а ценный груз! Правильно я говорю? – сострил один из пассажиров, подмигнув дородной молодухе.

- Если ты Натаху растрясешь, кто ж завтра буренок доить будет? – продолжал он острить, и довольный своей шуткой захохотал, толкнув соседа в бок.

Наполненный до отказа автобус, подхватил его лихую шутку, похихикал вместе с остряком и через мгновение опять каждый погрузился в свои думы.

- Не сыпь мне соль на рану.., - вдруг затянул где-то заднем сидении подвыпивший плешатый мужичонка.

- Чего орешь-то, черт окаянный? – приструнила его, видимо, жена. - Я тебе щас насыплю соли на все твои раны… Уууу, налакался опять. Кому чего, а вшивому до бани – одно на уме – где бы нахлебаться, - заключила она недовольно.

- А что? На свои пью, на свои кровные! Никому не должен! Что не имею права, что ли? А, может, у меня сегодня горе, поминки справляю по своему кабанчику…, - оправдывался он, еле выговаривая слова. – Продал кабанчика и все… А ведь совсем недавно живой был, а мы его раз… и на мясо…

- Я щас тебе твои поминки устрою! – зыкнула на него жена. – У, Ирод, от народу ведь стыдно за тебя…

- Ну ладно, Нин, ладно. Пошутил ведь я. Молчу, молчу – характер слабый, - успокаивал он разгневанную жену, предвидя дальнейшие последствия, если не угомонится, по приезду домой.

- Вот и молчи, Иуда!

- Вот такие мои земляки, - думал я. – А вот у этого Иудушки, наверняка, руки золотые. Все может и пахать, и сеять, и дом построить. Только вот сейчас не знает, куда свои руки приложить. От колхозов сейчас лишь одно название осталось. Безработные в деревне! Смешно даже! Сколько земли пропадает? И это в нашей-то стране - кипучей, могучей, никем непобедимой… Вот и осталась у колхозников одна лишь надежда на свое хозяйство – иначе не выжить. Работы в колхозе нет, все фермы развалились, а скот сдали на мясо. Поля зарастают дерниной, пашется совсем немного колхозной земли – невыгодно стало за копейки продавать зерно. Вот и живут, точнее сказать выживают колхозники, благодаря своим личным хозяйствам, как еще умудряются? Видно терпелив русский мужик. Но все же до поры до времени – А тогда уж лучше не тронь, не то раззудись рука, размахнись плечо! А тут уж лучше не лезь – все сомнет на своем пути…

- Федя, сынок, останови-ко, останови-ко, милай, - запричитала сухонькая старушка, но еще довольно бойкая.

- Что, Анисья, приторопило? – бесновался все тот же шутник.

- Ой, шут ты гороховый! – пыталась приструнить его бабуля, да куда там.

- Смотри ладом, не заблудись! – кричал он ей вслед, провожая ее взглядом через окно, когда та торопливо побежала в близлежащие придорожные заросли.

Мужчины сразу загоготали, засуетились и, воспользовавшись временной остановкой, тоже дружно потянулись к выходу на перекур.

- Пойдем, отравимся, - сострил один из них, показывая мне на сигареты.

- Нет, спасибо. Я не курю!

- А, ну, ну… Кто не курит и не пьет - тот здоровеньким помрет! – снова заржал тот остряк, продвигаясь к выходу.

Анисья благополучно вернулась из придорожных зарослей, и все пассажиры снова заняли свои места.

Автобус снова лихорадило на ухабах. А я вновь окунулся в воспоминанья прошлых лет. Я ехал к себе домой, где я когда-то жил, я ехал к себе в деревню, где прошли мои детство и юность.

Дорога была дальняя и за это время чего я только не передумал… Память будоражили картинки из моего детства, и с горькой иронией я вспомнил себя голопузым босоногим сорванцом в штанах на одной лямке через плечо. Припомнил и то, как я однажды повис на этой самой лямке, перелезая через забор, спешно улепетывая из огорода бабки Матрены. Ох, и радовалась тогда бабка, что воришка сам поймался, когда увидела меня висевшем на заборе за лямку. Я только болтал ногами, а слезть никак не получалось. А мне тогда порядком досталось от матери: «Не твое – не трогай!», - приговаривала она тогда, а сама лупезила меня, что есть силы по голой заднице. Частенько тогда мы штурмовали яблони бабки Матрены с соседской ребятней, потому что во всей деревне не было таких вкусных яблок, как у нее.

- К дочере́ ездила,- прервал мои воспоминания разговор каких-то двух пожилых женщин за спиной. И я стал невольным слушателем.

- Все к себе зовет, так я ра́зи поеду?! Неужели я свою избу оставлю?! Ведь мы с ней ро́мно самые близкие сучества. Что она без меня ни куды, то и я. Вот и щас приеду, и снова увижу, что наскучалась она без меня, ждет, когда я ее обогрею, - рассказывала она землячке.

- Съездила, нагляделась на сво́во зятька – аглоголика! Господи, как только таких земля-то носит? А ведь говорила я своей девке-то, не дури, не езди, живи дома, здесь у нас мало что ли женихов-то? Ан, нет, башку загнула – в хоруд ей захотелось, хородских женихов подавай. Да чем хородские-то парни ба́ще? Что у нас в деревне мотови́лы ходят шатаюся, что та́ма-ка, такие же пьянчуги. Только то, что лишь форсу больше.

- И не говори!.., - поддакивала ей соседка.

- Жаль девку-то, а куды ей тапéреча? Дитя́т нажили, куды их девать-то?! Ведь не лапоть – не выкинешь! Вот и живет мается со своим Иродом…

- Эдак, эдак! – соглашалась с ней собеседница.

- Дак я и сама-то не знаю как дальше жить. Вроде и избу свою оставить жалко, ведь все своим горбом нажито! Да вот могутéнья-то уже совсем не стало, силы уже не те – еле управляюсь с хозяйством-то. Да и к дочерé ехать-то нисколько не охота… Внуков только жаль. Так бы там помогла им там, чем могу…

- Ну да ишо ни че, как-нибудь попотянешь! – воодушевляла ее соседка.

Приехал я на родину

Наконец, автобус зафырчал и остановился.

- Ну что, бабоньки – красавицы, приехали! – опять сморозил остряк, продвигаясь к выходу.

- А что, и красавицы! – огрызнулась беззубая бабуля. – Это мы сейчас такие постные, а раньше-то я тоже личевáя была!

- Красивая на лицо, видимо, так понимать ее! – подумал я.

Я тоже вместе со всеми стал продвигаться к выходу. Все высадились у местного клуба и вереницами потянулись до своих домов. А мне надо было еще шагать и шагать до своей деревни через поле километров пять.

Шел я по знакомой и в тоже время уже давно нехоженой дороге. По обе стороны поля простирался задумчивый лес, тот самый, в который мы ходили когда-то за грибами и ягодами. Лес стоял сиротливо насупившись, похоже, грибники и ягодники здесь стали редкие гости и лес заскучал… Все так же перешептывались меж собой белоствольные березки – красавицы, наверное, делились меж собой последними новостями. А над полем, как и раньше, мелькали то тут, то там стрижи, показывая свои высший пилотаж. И сквозь рожь так же выглядывали голубоглазые васильки (лоскутники – так их называли раньше в народе).

Ну, вот и моя деревня! Точнее все, что осталось от нее. По обе стороны улицы тянулись еще кой-где сохранившиеся скособоченные дома. А местами уже вместо домов красовались заросшие травой ямы. На некоторых домах уже обвалилась крыша и печные трубы торчали изнутри, как памятники умершим деревням. В некоторых домах уже не было даже рам, и они печально смотрели темными пустыми глазницами окон на мир. Но все же три избы в деревне еще стояли крепко и дышали обычной деревенской жизнью. Под окнами бегали куры, рядом на привязи паслись козы. Но я прошел мимо этих домов, почему-то сегодня ни с кем не хотелось

разговаривать и не хотелось лишних вопросов. Да и к тому же мне нужно было успеть на обратный автобус, останавливаться на ночлег у кого-то, не входило в мои планы.

Наконец-то, я добрался до самой окраины деревни. Вот и он, мой дом! Хотя это уже было лишь упоминание о том красивом доме, в котором мы жили всей семьей. Ограда провалилась, вместо окон зияли дыры, видно кто-то прибрал рамы для своей надобности. В груди щемило так, что дышать было трудно. Какое-то чувство утраты чего-то самого дорогого сжимало сердце, и оно билось, как перед забегом на длинную дистанцию. Я вошел в дом, двери радостно всхлипнули, как бы от долгожданного ожидания своего родного человека. А внутри пахло сыростью и мрачным, тяжелым запахом нежилого дома. Половицы скрипели давно забытый мной мотив. Я присел на лавку в углу избы и стал просто осматриваться по сторонам, вспоминая при этом нашу былую жизнь в этом доме. Посредине избы все так же торжественно стояла русская печка – наша незаменимая кормилица и обогреватель в тяжелые суровые зимы. Как тесно и мало места сейчас казалось мне в этой избе после моей благоустроенной трехкомнатной квартиры в городе. Как мы тут жили впятером в то время? Всего-то одна комната в избе, да кухня за перегородкой. С трудом представлялось, как мы вообще тут жили. Никаких тебе удобств, вода под горой, которую каждый день приходилось носить на коромысле в ведрах. Но ведь жили и были счастливы тогда! «Ванна», то есть банька была в огороде, а все остальные удобства – на улице. Сколько я просидел так - не знаю. Воспоминания обгоняли одно другое, все здесь напоминало о том далеком детстве. И этот крюк в потолке, через который вешалась слегá (жердь), а на нем качалась люлька. Глядя на него, вспомнилось, как мы однажды укачивали Мишку в этой люльке, а он никак не хотел засыпать и все ревел. Мы все качали и качали его и все сильнее и сильнее. Да так, что в итоге люлька перевернулась, и Мишка оказался на полу. Тогда, просто каким-то чудом он остался жив. Но мы тогда очень перепугались за него, а больше за то, что нам за это, ой, как достанется от матери.

А вот и божница, за нее тогда мать прятала все ценные бумаги и деньги, наверное, считала, что рядом с ликом Бога они будут сохраннее. А вот и метки на дверном косяке остались теми же, только со временем потемнели – наши показатели роста.

Я посмотрел на часы, пора возвращаться, через два часа автобус, а ведь мне еще нужно протопать обратно пять километров. Так хотелось хоть что-то взять на память из дома, потому что чувствовал, что вряд ли еще когда-то появлюсь здесь. И я стал глазами шарить по всем уголкам избы, в надежде отыскать еще что-нибудь. Взгляд упал на божницу, я подошел к ней и заметил там чудом сохранившуюся маленькую иконку Николая Чудотворца.

Я аккуратно положил ее в сумку, потом походил по избе, залез даже на полати, где мы когда-то спали всем гуртом. А там стоял тот самый незаменимый, наш любимый самовар, который мы когда-то растапливали шишками.

- Надо взять! - решил я, - это же настоящий раритет, и как он еще уцелел? Ничего, что металл на нем потемнел, дома начищу его, - решил я. И пусть стоит в квартире на кухне, как самая дорогая память о моей деревенской жизни и этом доме.

Пузатый самовар я с гордостью нес прямо в руках. Я вышел из дома и старался не оглядываться назад, от нахлынувших чувств и воспоминаний было так тяжело на душе, что хотелось уже поскорее приехать к себе домой.

Я возвращался из нашего деревенского дома с такой тоской, как будто навсегда прощался с чем-то самым близким и дорогим в моей жизни. Уходил с таким чувством, как будто бы я был в чем-то виноват перед своей деревней.

Обратно пошел через околицу. Здесь все так же шумели могучие тополя, шелестели листвой, как будто хотели рассказать мне о том, что здесь происходило в мое отсутствие. А когда-то мы здесь за тополями украдкой целовались с девчонками… Да, что вспоминать, сколько всего было, сколько воды утекло… Вот и тополя тоже постарели, как и все мы – кора огрубела и сморщилась, как морщины на старческом лице. Да, ничто не вечно!..

Пройдя тополиный ряд, я зашагал побыстрее - боялся опоздать на автобус. Когда я уже подходил к клубу, ПАЗик уже снова поджидал своих пассажиров.

Я разместился на заднем сиденье, не хотел мешать никому со своим самоваром, да и, чтобы мне никто не мешал разобраться в своих мыслях.

Автобус постепенно наполнялся шумной толпой и вот мы снова едем… Снова мелькают убегающие сосны, провожая нас своими пушистыми зелеными раскидистыми лапами.

Все, я еду домой! - с радостью думал я, где меня ждет любимая семья. Я только сейчас по-настоящему ощутил и понял, как же они мне дороги, моя жена Тонечка и сын Сашка. Без них я просто никто!

- Домой, домой, скорее домой! - мысленно подгонял я автобус, который казалось не едет, а ползет, как черепаха.

Автобус снова качало из стороны в сторону, но я на это даже и не обращал внимания. Мне уже было все равно, лишь бы поскорее добраться до дома. Я возвращался домой с бесценным грузом - в память о своей малой родине и о своей молодости.

Домой – в гости

Давно я уже не был в деревне у матери. А тут подвернулся такой случай, заработал несколько отгулов за досрочное выполнение заказов. Решил, что нужно обязательно, мать – старушку проверить, да и посмотреть, чем дышит и живет моя деревенька. Уж лет пять, как не был – все какие-то дела, проблемы и для матери лишь находил время, чтобы черкнуть пару строк в письме о себе и своей семье, да послать открытку к празднику. Да и о ней, о ее жизни знал лишь из ее писем, где писала, что у нее все хорошо - да разве она расскажет что-то плохое… Вот и решил, что нужно обязательно съездить.

До деревни сначала добирался электричкой, потом на автобусе, а дальше пехом.

- Эк, меня занесло-то! – думал я по дороге в деревню, меряя шагами до боли знакомую тропинку, что тянулась через рощу. – Далековато устроился я от родного дома!

Шел по роще и любовался этим чистым июньским деньком. Лес встретил меня, как долгожданного гостя и дарил мне сегодня весь набор ароматов трав, деревьев и кустарников, и я вдыхал его полной грудью. От дурманящих запахов, аж голова закружилась. А птицы надо мной трещали на все голоса, как будто соревновались - кто кого перепоет.

- Надо же, а ведь раньше, когда я пацаненком бегал по этой тропке буквально каждый день, - недоумевал я, – я как будто бы и не замечал всех этих прелестей. Наверное, тогда все это просто было мне не в диковинку. А сейчас, когда чаще всего перед глазами были толпы людей, вечно спешащих куда-то, масса всяких железок: машин, автобусов трамваев, и всего прочего, я как будто окунулся в совсем другую цивилизацию. А какой свежий воздух! Как будто я шел по другой планете, а не по нашей Земле. Настолько уж я привык к городскому шуму, дыму, гари, что стал уже и забывать вкус настоящего чистого воздуха.

Так со своими мыслями я незаметно дошел до деревни.

- Вот она, родная моя! – торжествовал я, оглядывая деревеньку с угора, где остановился, чтобы немного отдохнуть от дальней дороги.

Деревня вся благоухала в зелени. Что ни говори, а уж насчет этого у нас в деревне был просто, как закон - родился у тебя мальчик или девочка – посади деревце возле дома!

- И вон их тут сколько родилось и выросло!- думал я, оглядываю утопающую в зелени деревню. У каждого дома красовалась то сирень, то рябина, а кто-то даже и кусты роз насадил. И все это сейчас вместе взятое так радовало глаз своей чистой изумрудной свежестью.

- Сколько же нас вырастила эта деревенька! – размышлял я. – И ведь все куда-то поразъехались в поисках счастливой доли… Остались лишь одни бабули. Дедов совсем немного было в деревне – всех в войну поубивало. А кто и вернулся, много не нажил, война все равно свое забрала – тяжелые

раны, осколки пожить долго не дали. Лишь дед Трофим, да Семен еще как-то скрипели, пережив все лихолетья, и как бы разбавляли в деревне своим житием женское однообразие.

Чем ближе я подходил к дому, тем сильнее давило в груди. А сердце просто было готово выпрыгнуть от нахлынувших чувств. Почему-то слезы сами наворачивались на глаза – еле сдерживал.

- Как там сейчас моя мама? Здорова ли? - думал я. – Вроде из писем ничего плохого не сообщала, но все же?

И вот я дома! – Дом немножко постарел, - заключил я, разглядывая его.

- Да, старик, и ты тоже сдаешь позиции! – мысленно я разговаривал с ним.

- Ой, Коленька! - вскрикнула мать, вышедшая в это время из ограды, не ожидая увидеть такого гостя. Она тут и оставила ведра, видимо собралась идти за водой на ключ. Она обняла меня с такой нежностью, прильнув к моей груди, как будто я – это было самое дорогое и бесценное на всем белом свете для нее. Мать уголочком платка старалась незаметно вытирать выступившие слезы.

- Господи, какая же она у меня маленькая, сухонькая, беззащитная, - подумал я про нее. Так и хотелось схватить ее на руки и всю расцеловать!..

- И вот эта женщина одна, смогла воспитать нас пятерых?! Но как? – вдруг пришла мне в голову мысль. Мы сейчас одного-то ребенка не знаем, как поставить на ноги, а она в войну, в голод, совсем одна подняла и воспитала пятерых детей! Отец у нас пропал без вести еще в 43, так и не дождалась его мать, хотя всю жизнь прожила с надеждой, что все-таки найдется ее муж или хоть весточку какую подаст, о том, что жив…

У меня нестерпимо щемило в груди. Нахлынувшее чувство вины перед мамой, не давало покоя сердцу. Стало так стыдно, что о самом дорогом человеке я, практически, можно сказать вспоминал лишь иногда, когда писал ей письма, поздравлял с праздниками и днем рождения. Мою совесть, как будто крапивой обожгли… И я, как бы в оправдание, точнее просто хотелось убежать от нахлынувших на меня чувств, схватил ведра и побежал под горку к ключу.

- Я сейчас, ты отдыхай! – лишь крикнул я, оборачиваясь, матери.

- Да, куда ж ты, сорванец?! – так же как и в детстве, она крикнула мне в след. – Ведь я бы сама принесла! Устал же поди́ с дороги-то!..

Когда я вернулся с ведрами полными воды, мать уже суетилась на кухне.

- Ой, Колюшка, устал поди́ с дороги-то? Садись-ка, милок, покушай! – щебетала она, крутясь возле меня.

Я, как и раньше, устроился за столом на том самом месте, где любил сидеть.

- На-ко вот, хлебушка нашего деревенского отведай – сама пекла! В городе-то такого не сыщешь!.. Да молочка парного бери, чай давненько такого не едал?!.

- Это уж точно! – решил я про себя. Настоящего натурального деревенского молока в городе и не найти, да и хлеба из русской печки.

- Вот и картошечки тушеной сейчас тебе из печи достану. Как раз упарилась, как будто тебя ждала. Вот и с молочком парным-то и с хлебушком покушай!

Мать заботливо начала выставлять всевозможные угощения из ее припасов. Тут были и соленые рыжики, и огурчики, помидоры, капусточка. От запаха всех этих яств на столе, я просто млел, как ребенок. Давно такой вкуснотищи не пробовал… Я сидел, уплетал мамины угощения с таким аппетитом, как будто не ел целую вечность.

- Да ты сама-то присядь, мама, да и покушай вместе со мной! Отдохни! И поговорим заодно.

Мать послушно присела напротив меня, с какой-то особой тщетностью разглядывая меня, своими ласковыми и в то же время очень грустными глазами. То ли хотела запечатлеть надолго в своей памяти мой образ, то ли глядела и видела, что у меня тоже стала почти совсем седая голова.

- Поседел-то как, Колюшка! Работа, наверное, тяжелая у тебя – достается тебе милому?! – заговорила она со мной. – Все по командировкам мотаешься, да по разным городам… Дак, как тут не устанешь?!. Ну вот и отдыхай сейчас у меня! Надолго ли приехал-то? – как бы между прочим спросила она.

- Да нет, дня на три, больше не получится никак! Работа, мама! Ты уж извини!..– отозвался я, как бы оправдываясь перед ней, что не могу погостить подольше.

- Ну и хорошо! Три, дак три! – соглашалась она. Хоть нагляжусь на тебя, а то уж соскучилась больно!.. – и она уголочком платка снова смахнула накатившуюся слезу.

- Мам, ну что ты? – начал я было успокаивать ее. Какая тут уж еда? У меня и кусок в горло не шел, все сдавило внутри от боли, глядя на мать. Какими только словами я не бранил себя в этот момент. Совсем забыли со своими делами и заботами о нашей старенькой матери.

Я вышел на улицу, чтобы немножечко успокоиться, нервно курил одну за другой сигарету. Потом решил прогуляться вдоль деревни. Стукнул матери в окно: «Я сейчас! Пройдусь немного по деревне!»

- Ладно, ладно, сынок, иди! – одобрительно мне кивнула мать в окно.

Так и дошел я, идя тихонечко по деревне, до сельского магазина. Возле него, как всегда, толпились бабули, дожидая, наверное, хлебовозку. Зашел в магазин так, ради простого интереса. На витринах и на полках размещался

весь скудный ассортимент товаров: соль сахар, несколько сортов печенья и конфет, крупы, рожки и так из промышленных товаров разная мелочь.

- Да, небогато! – думал я про себя. А вообще-то, зачем им много! – сам же себе отвечал я. – Ведь в принципе-то, в деревне все свое: и масло, и молоко, и яйца, и сметана, и мясо. Это ведь мы привыкли все покупать готовое в магазинах. Ели вот только что из одежды купить, да обуви сельчанам, да и то такой товар на полках не стоял, его заказывали с продавцом в город, кому, что нужно было, когда она ездила на базу за товаром.

- Ой, да это Маруси – Ванихи сын! – невольно я подслушал разговор старушек, что расселись на скамеечках вдоль магазина, выходя из него.

- Ой, да неужели?! Экой важный стал! – продолжала другая бабуля беседу.

- Дак, ведь начальник! – вставила свое слово другая.

- Да, тише вы, бабы! Вон он идет, - одернула их одна из бабулей, завидев меня.

И припомнилось мне, а ведь я уже и забыл об этом, что раньше в деревне так всех нарекали. Жен звали по именам мужей: Сережиха, Ваниха, Колиха, Тимофеиха, а детей по именам матерей: Коля Марусин, Лена Верина и т. д. Вот, и поди ж то разберись, кого как зовут на самом деле.

Я пошел обратной дорогой к дому под, провожающими в след, взглядами землячек.

- Вот, ведь скажут: «Разоделся! При галстуке! А ведь раньше, как и все бегал голопузым пацаном! – с усмешкой думал я про тех старушек у магазина, у которых сейчас на языке то и было разговору и воспоминаний, что обо мне. Видимо, и вправду говорят: «Хочешь узнать последние новости в деревне – сходи в магазин – это пункт приема и раздачи новостей, причем бесплатно и в любом количестве. Вся деревня за день перебывает в магазине и, конечно же, каждый свое расскажет. Ну, а если уж тут выстроилась очередь за местным дефицитом, всем перемоют кости!..

Возвратясь домой, я застал в гостях у матери нашу соседку. – И тут «сарафанное радио» сработало! – съязвил я про себя без злорадства. – Вот уже и соседи знают, что у Маруси сын приехал. А если она сейчас еще и в магазин сходит, то буквально через полчаса все здешнее население будет у нас в гостях, чтобы узнать последние городские новости, да что в мире деется. – Как будто к ним в деревню приехал ни кто-нибудь, а сам президент – событие главной важности на этот день! – думал я, не понимая, почему так много внимания уделяется моей персоне. – Шутка ли?! У Маруси сын в начальниках ходит! Один такой на всю деревню! – ехидно я передразнивал мысленно земляков, которые так говорили обо мне.

- Ой, Николай Иванович в гости пожаловал никак?! – залебезила соседка, учтиво приветствуя меня.

- Да, вот решил маму проведать! – отвечал ей я, учтиво расплывшись в улыбке.

- А вы, баба Катя, все такая же! Нисколечко не изменились – хоть сейчас под венец! –лукавил ей я, заранее зная, что ей это очень понравится. Хотя в душе она и сама знала, как сдала за эти годы, осунулась, еще больше постарела – шутка ли, столько лет все одна, да одна.

- Да, что ты, Колюшка, куды́ уж мне беззубой до женихов-то?

- Какие ваши годы, баб Кать?! – продолжал я поддерживать этот веселый разговор.

- Ну ладно, я пойду тогда?! – как бы спохватилась баба Катя. - Не буду вам мешать!

- Да вы, сидите, сидите! Нисколечко вы нам и не мешаете! Разговаривайте, а я с дороги прилягу немного – отдохну, - обращался я к землячке, - а то всю ночь в электричке не спал, не мог заснуть – душно очень!

- Иди, иди, сынок, поспи! Вон разбери кровать и ложись! – учтиво предлагала мать.

Я «разобрал», по-ихнему, кровать в соседней комнате и улегся, погрузившись в раздумья.

Баба Катя с матерью о чем-то трещали за стенкой, точнее деревянной перегородкой, а я лежал и думал о своем. Вспомнил свое детство, которое провел в стенах этого дома, где каждая мелочь сейчас напоминала мне о многом. Припомнились и шалости, и радости, и обиды…

- Ой, вот тут в аптеку ходила, хотела «Астроному» купить, так ведь даже и его-то нету! – вдруг прервал мои воспоминания разговор соседки .

- «Цитраному», что ли? – поправила ее мать.

- Ну, ну ! Его, его! Я ведь без него, как без рук! Голова болит все время, а его выпью и вроде полегчает!

- Так ты бы, Катя, лучше в больницу сходила! Может быть, у тебя давление играет? – советовала ей мать.

И я невольно внимательнее стал вслушиваться в их разговор, уж очень они интересно разговаривали, по своему – по-деревенски. – А ведь я уже и забыл большинство слов, что были в ходу в деревне, да и этот говор, - думал я.

- По-городски стал говорить! – сколько раз замечала мне мать.

- Да, что там в больнице-то?! – не унималась баба Катя. Она была немного глуховата и поэтому всегда разговаривала очень громко, думала, наверное, что остальные так же плохо слышат, как и она. Поэтому сейчас моей матери приходилось, буквально, кричать, разговаривая со своей собеседницей, чтобы соседка слышала, о чем она говорит ей.

- А тут на днях я к терапе́йцу ходила, - продолжала свой рассказ баба Катя.

- К терапевту, что ли? – поправила ее мать.

- Ну да, ну да, к нему! Дык чего там?! Два раза ткнул по мне трубкой-то своей, дак чего он там услышал не знаю? – разошлась не на шутку соседка. – А ведь чего-то навыписывал! А я даже и не стала ево́нные таблетки-то пить, уж больно мудреные названья-то. Я и сама знаю, чего мне пить нужно! – подвела она итог.

- Зря ты, Катя! Ведь все-таки врачи больше знают! – давала ей наставления мать.

- Да куды́ уж нам?! Вот тут меня ишо́ в больнице к невропоте́ху послали. Ну и что, здорова, как корова! Ничего у меня не болит дохтур сказал, что все в порядке у меня! Только сказал вот «Аверьянки» попить.

- «Валерьянки», наверное, он тебе выписал? – поправила снова ее мать.

- Ее, ее, родимой! Попила я ее, попила! Дык ведь и вправду и спать лучше стала!

- Ну вот, видишь?! А ты говоришь, что врачи ничего не понимают! - снова вставила свое слово в разговор мама.

- Дак я ра́зи, что говорю?! Понимают, понимают! Ведь недаром целый уповод учатся в институтах-то.

- Вот к глазнюку, тогдась ходила… Ой, уж до чего внимательная молодушка врач-то! Хоть и молодая ишо́, а знает видно много! Капель мне выписала. Так глаза-то и вправду, как будто пелену с них сняли, видеть-то получше стала. Аперацию, говорит, надо делать мне на правый-то глаз. Дак, ведь я думаю для чего мне уже старой-то? Хватит, пожила! Пока вижу и ладно, мне ведь сейчас не женихов разглядывать! В могиле-то зрячий ты али нет – все едино!– и сама тут же засмеялась над своей шуткой.

- Ну, ты уж скажешь, Катя?! Живи! Что умирать-то раньше времени?! – успокаивала ее мать.

- Дак ведь Господь-то Бог нас не спросит, когда позовет к себе. Кому ведь сколь на роду написано! - трагически старалась убеждать соседка.

- Так-то оно так! Но раньше времени о смерти думать нечего!

- Дак ведь раньше, не раньше, кому ведь как доведется!.. – разошлась не на шутку баба Катя.

- Вот тут но́нче я упала, так хво́снулась – думала помру. Так коси́цей ударилась, аж искры из глаз посыпались. Веришь нет, три дня отлеживалась, могуте́нья никакого не было. Да руку ишо́ нару́шила, всю расхвосну́ла, аж синеви́ца выскочила, до сих пор болит, особенно в ненасье (ненастье). Ой, старые совсем стали, за каждую кочку запинаемся, ноги-то уже не подымаются!..

- Да, старость – не радость!.. – заключила, вздохнув, мать.

Сон уже отошел, от таких рассказов – соседки и моей мамы, давно не слышанных мной, я в той комнате за перегородкой незлобно улыбался про себя. Просто давно уже ни с кем не общался на деревенском диалекте.

Интересные они все же мои земляки, такие милые и родные сердцу. Столько воспоминаний вернули мне о той моей, казалось, совсем далекой жизни.

Я просто лежал и обдумывал свои дальнейшие действия, пока нахожусь здесь у мамы, что ей нужно будет сделать по хозяйству, чай не отдыхать сюда приехал, а чтобы мой приезд стал еще и полезным для матери. Да и, по правде говоря, хотелось загладить то чувство вины перед своей старенькой матерью.

- Сегодня вечерочком я еще наслажусь своим отдыхом – сбегаю на пруд порыбачу пескариков и прочей рыбки, какая попадется, - думал я. Хотелось просто, как и раньше накормить мать ухой из свежей рыбки. – Ну, а уж с утречка сразу за дело! Надо ограду подправить, а то скособочилась, стоит. Да крышу подлатать местами.

- Вообщем, работы мне хватит на все мои выходные. Зато потом я уже не буду переживать, что у матери что-то где-то отпало, потекло или повело.

К себе ее звал в город жить сколько раз, так ведь ни за что не едет. «Где родилась, там и помирать буду!» – только это и говорила она мне всегда на мои просьбы о переезде в город.

- А еще я матери купил сотовый телефон и надо научить ее как пользоваться им. Да она у нас женщина умная. С этим проблем не будет. Телефон купил самый простенький, кое-как еще и нашел такой, чтобы был с крупными буквами и цифрами и более простой в обращении. Ей ведь, главное, чтобы можно было поговорить в любое время с кем-то из нас, из детей, чтобы меньше скучала.

Три дня пролетели, практически, незаметно. Даже и оглянуться не успел, а уже надо снова собираться в дорогу – обратно домой. Тяжело было расставаться с матерью, снова оставляя ее одну и надолго. Но она, как будто и не думала о расставании, просто понимала, что детям лучше жить в городе. И работа есть, и профессия хорошая, и детям – внукам ее, образование хорошее нужно. А она уже сделала в своей жизни самое главное – всех детей воспитала и в люди вывела. Просто такова жизнь – каждому свое.

Митяй

Жил у нас в деревне мужик один, Митяем звали. Хотя мужиком-то назвать его еще и вроде бы не назовешь – не семейный еще был. Хотя и было ему уже лет под сорок, а вот все никак не женился. Вообщем, был он старый холостяк. А почему бобылем ходил, один Бог ведает…

Хотя бабы говаривали, что в молодости, когда и его время женихаться настало, нравилась ему у нас в деревне девчонка одна. Красивая была очень, статная, волосы черные, как смоль, глаза карие, да такая вся ладненькая, да вот на язычок была уж больно остра – любого за пояс заткнет, если что не по ней. Вот однажды как-то и Митяй тоже пришел на вечерку, да и намекнул ей, что пойдет ли она за него замуж. А парень он был видный, белокурый, а глаза, словно небо синие-синие, посмотришь в которые, так и утонуть в них можно. А девчонка та ему тогда так ляпнула в ответ: «А что с тебя взять-то, вон у тебя одна хата, да и та дыровата!..» Только и было, что всех решила посмешить своим отказом. Ну, посмеялись все дружно ребята и девчата, на этом и все забыли.

А вот говаривали еще, хотя кто его знает, так это было ли не так, но бабы говорили, что наказал Бог ту девчонку-то, что над Митяем посмеялась. Померла она… Вон как оно получилось-то… Как-то по деревне в одно время у нас тиф такой страшный прошел, вот и ее настигла эта болезнь. Так и не выправилась она после нее, умерла…

А вот Митяй после этого разу ни на одну девку даже не взглянул, как отбило. То ли обиделся, то ли действительно понял, что ведь на самом деле жених-то он не завидный. Что у него было-то, старая избенка, что еще от деда с бабкой осталась, да в придачу его верная собака Дружок.

Вот с этой-то собакой и жил наш Митяй. Можно сказать, и не жил, а горе мыкал. Просто остался он на этом свете совсем один-одинешенек. Отца на войне убили, а мать после войны долго не нажила, однажды слегла и насовсем. И остался он на попечении бабки Варвары своей. Но и бабка тоже померла, когда Митяю было лет пятнадцать. Так и остался Митяй жить совсем один. Но как-то приспособился, охотой, рыбалкой занимался, уж в этом он толк знал еще от отца, многое перенял – тот тоже был знатный рыбак и охотник на всю деревню. Видно Митяй в него и пошел. Да такой еще промысловый был, бывало, мужики с охоты приходили ни с чем, а он всегда возвращался домой с добычей. И на рыбалку пойдет, вроде бы и клева нет, а

у него всегда полный туес рыбы. Мужики все еще шутили над этим, говаривали, что заговоренный он, зверь как будто сам на него бежал, а рыба чуть ли не сама в штаны прыгала… Да только я в это не верю, просто знал он разные уловки, да места, где зверь водится и рыбы больше. Знал все их повадки, вот и всегда с добычей был. На то и жил, то мясо продаст: оленину, медвежатину, то шкуры волчьи, да медвежьи, а то и белку с норкой продавал. А летом кормился лесом: грибами, ягодами. Да когда кому по хозяйству в деревне поможет, вспахать или сено накосить. А люди в деревне за это его любили, безотказный он был, хотя и неразговорчивый. Угощений ему всяких насуют с собой, да обедом вкусным накормят за работу. Вот так и жил этот Митяй.

А больше всех он любил свою собаку Дружка, никогда с ним не расставался. И Дружок тоже ни на шаг не отходил от него, так вместе и жили. Можно сказать вместе спали и ели… А Дружка своего любимого он вот как и нашел. Возвращался как-то с охоты зимой, и уже почти перед самой деревней слышит, что в кустах кто-то пищит. Подошел он к зарослям, а там малые кутята, штук пять-шесть, видимо кто-то выкинул. Кутята совсем еще слепые были, но один из них еще пищал, остальные уже просто замерзли, холодно тогда было. Митяю так жалко стало этого кутенка, он обтер его от снега, пихнул за пазуху и поспешил домой. А дома его уже отогрел, и отпоил теплым молоком. И так две недели с ним и провозился, пока тот сам стал есть и ходить. С рук его просто не спускал, да и спасть его с собой на печку брал, чтобы потеплее было. Вот так и сдружились они на всю жизнь. А Дружок такой верный и умный пес вырос, всюду везде с Митяем, куда он, туда и Дружок. На охоту, так на охоту и на рыбалку вместе, и в лес, вобщем всюду были вместе. Любил его Митяй очень, и Дружок тоже своему спасителю был благодарен по гроб жизни.

Тяжка

И вот, наверное, так бы и прожил Митяй всю свою оставшуюся жизнь бобылем со своим Дружком. Да вот такой случай приключился.

Жил Митяй, как волк одиночка, сам ни на кого не обращал внимания до женского полу особливо и девки в его сторону не засматривались. А на что там смотреть, и парнем его уже не назовешь, уже под сорок лет стукнуло. Да и не следил он особо за собой, ходил обросший, небритый, смурной, неразговорчивый. Вечно на нем старенький тулупчик зимой, в котором, видимо и ходил, им и укрывался. Одежонка вся старенькая, да и он не старался прикупать что-то новенькое - носил что было… Лишь бы что-то было надеть, чтобы наготу прикрыть, а так в одежде не рылся…

Но вот была у него одна лишь праздничная одежка: штаны, да рубаха. Ее он одевал только по большим праздникам, когда в церковь ходил в соседнее село на Пасху или Рождество. Уж эти праздники он очень почитал, в баню сходит вымоется, пусть уже и старенькую, но все же в праздники эти всегда в чистоте себя держал. И вот как-то раз вернулся он тоже из бани, сидит за столом чай пьет. А к нему соседская девонька стучится в окно… Татьянка ее звали. Она частенько к Митяю захаживала, когда дома постряпает, то всегда ему стряпни приносила, чтобы его угостить, да Дружка его. Ну, впустил он ее, девка хорошая она была, в основном только с Митяем и общалась в деревне. Девки как-то стороной ее обходили, хроменькая она от рождения уродилась, вот и браковали ее парни и девки. Хотя очень добрая по характеру была, и рукодельница кая еще. Работать-то как все она не могла в колхозе, куда с хромой-то ногой, так она приспособилась зарабатывать себе на жизнь шитьем. Всю деревню нашу обшивала, кому платье, кому кофту, кому штаны. Все шила, что закажут, даже из соседних деревень молодушки приезжали, уж больно хорошо она шила, аккуратно, ладненько. За это ее очень уважали в деревне, но ходили к ней лишь только по делу. Она очень не любила пустых разговоров о том, о сем, только по делу. Никому свою душеньку-то не открывала, видимо тяжело у нее там на душе-то было… А вот с Митяем нашли общий язык, он ее никогда не спрашивал чего не нужно, то есть в душу не лез, а выслушать ее всегда бал рад. Где-то что-то и подскажет, что знал.

Ну, вот и в этот раз она принесла ему тоже стряпни, перед Пасхой как раз дело было. Зашла в дом, поставила тарелку со стряпней на стол, яиц крашеных принесла. Присела на скамеечку рядом с Митяем за столом. Дружок тут как тут, ох любил он ее. Только она появится на пороге, он ей все руки вылижет, и своим сырым носом все норовил ее щек коснуться и лизнуть их языком, в знак особой признательности и уважения. А она уж его и

потреплет и погладит, он так и сидел все возле ее ног, пока она домой обратно не уйдет, а то и до самого дома ее провожал. Да она надолго к Митяю и не заходила, а то по деревне мало ли что потом будут говорить, не хотела глупых и ненужных разговоров о себе…

А в этот раз пришла к Митяю, так же поставила стряпню на стол и говорит:

- Митяй, завтра вот уже Пасха, а у тебя в избе даже не метено. Прибраться бы тебе нужно, все-таки большой праздник. Ели хочешь, то я тебе помогу порядок навести. А то у тебя кругом одна паутина, хоть обмести ее, да полы помыть.

- Да, зачем? Мне и так неплохо! – ответил ей Митяй. Хотя, когда оглядел свою старенькую избу, то, как будто только сейчас заметил, в каком она была холостяцком запустении.

- Вообще-то ты права, Таточка, (так он ее ласково всегда называл), порядок бы действительно, нужно навести и еще какой. Только ведь тут работы на целый день хватит, - оглядел он снова свою избу.

- Да, я и никуда не тороплюсь. А дома я уже все прибрала. Да и ты, я думаю, что мне поможешь, а вдвоем быстрее будет убраться.

- Да, как-то хорошо ли это будет? – застенчиво спросил он у нее.

- А разве плохо, если у тебя в праздник будет чистота и порядок? Что в этом плохого?

- Да, что люди-то скажут, что я работницу себе нанял в избе прибирать?

- А я не работница, я просто хочу помочь тебе! – ответила ему, улыбаясь Тата.

- А что, идея неплохая! Давно в этом доме полы не мыли! Тогда ты только говори, что мне нужно делать я все тебе помогу. Да больно-то не усердствуй, ногу-то, небось, больно будет наломать так за работой-то?

- Так ведь дома-то я все сама тоже делаю! Что моя старенькая бабка может уже?!

- Это так! – согласился с ней Митяй. – Ну, тогда давай попробуем навести в моей берлоге порядок, если это еще можно.

- Можно, можно, еще как можно! И тебе потом приятнее жить в чистой избе будет! – подхватила Тата. - Ты вот давай сначала свои медвежьи шкуры повыхлапывай на улице, а я пока паутину везде обмету, только дай мне тряпок, чтобы все везде протереть и полы помыть, да воды наноси из колодца.

Митяй быстренько схватил ведра и к колодцу за водой. Веник нашел, тряпки принес Тате. А сам свернул медвежью шкуру, что лежала посередь избы, и вынес на улицу выколотить от пыли и мелкого мусора. Развесил шкуру на тыне и батогом по ней давай бить, что есть силы. Ох и пыли накопилось, оказывается, в шкуре, а так на полу и вроде и незаметно ее. Выбивает шкуру и сам себе удивляется, что впервые в жизни согласился на такую помощь, ведь все старался сам делать. Хотя ему было не до особой чистоты, ему она не так и важна была. Главное, чтобы в избе тепло было, да поесть что, а так остальное ему все казалось мелочью, пустой тратой времени. Выколотил он шкуру медвежью, свернул ее и возвращается домой, а там Тата уже во всю окна моет, протирает, да с таким усердием, как будто ей эта работа очень нравится.

- Ты, Митяй, положи пока шкуру в сенях, сначала нужно полы помыть, а потом и шкуру обратно положим, - сказала она ему, заметив, что он уже вернулся.

- Ну, а мне, что прикажешь делать, хозяюшка? – спросил ее с деловитым тоном Митяй.

Тата так и опешила от этого слова «хозяюшка», так ее еще никто не называл. Но она справилась со своей застенчивостью и ответила:

- А ты пока, полы промети, а я уже за тобой их помою!

- Хорошо! – ответил Митяй и взялся за веник.

Вот так вместе они и навели такой порядок, что его изба совсем преобразилась. Митяю даже и не верилось, что эта его та же самая изба. Все кругом блестело, полы были выскоблены ножом, все окна вымыты, даже как будто дышать стало легче и стало гораздо светлее в избе. Сели на лавку вместе и так некоторое время любовались своей работой.

- Да тебе цены просто нет, Таточка, ты моя дорогая! – восхищался ею Митяй. Вот что значит женские руки в избе. Порядок везде чисто так, как будто не избу, а даже душу помыли! Вот, наверное, поэтому все и прибираются всегда к праздникам и перед баней, потому что потом дышать легче бывает и на душе легко! – думал про себя Митяй.

- А что, Таточка, а если у тебя еще есть время, может, чаю вместе попьем! У меня и земляничка сушеная есть и других ягод я наготовил. А хочешь можно шиповничка заварить? Да, что захочешь, такой чай и сделаю для тебя! – суетился Митяй, чтобы хоть как-то отблагодарить Тату за ее работу и помощь.

- Ну, если только недолго, а то мне уже и домой пора! – застеснялась Тата.

- Ага, я сейчас, быстренько самоварчик поставлю! Водички свеженькой колодезной принесу для чая! А ты тогда пока чашки на стол собери, - обратился он к Тате.

Митяй выбежал к колодцу за водой. Он как будто проснулся от какой-то зимней спячки. Впервые в жизни к нему вот с таким вниманием, заботой и уважением пришла вот эта девушка. У Митяя аж что-то шевельнулось в груди, ему так захотелось отблагодарить Тату, даже захотелось обнять ее крепко-крепко. Так сейчас ему было хорошо на душе! Будто свершилось что-то очень прекрасное, даже сказать чудо какое-то. Давно он уже так ничему не радовался, дни шли привычной своей чередой, обычные дела и заботы.

Митяй вскипятил самовар на сосновых шишках, в чайнике заварили сушеные цветы и ягоды земляники и от этого в избе стоял такой духмяный запах.

- А скатерть у тебя есть на стол? – спросила у него Тата.

- Да где-то была, еще от маманьки с бабкой остались! Надо только поискать в сундуке! А что?

- Просто, давай, постелем еще и скатерть на стол, так ведь красивее будет, правда?! – обратилась опять к нему Тата.

- Думаю, что да! – ответил ей Митяй. - Сейчас сбегаю в клеть найду!

Митяй с Татой постелили скатерть на стол и уселись чаевничать.

- Ну, вот, видишь, как у тебя сразу все красиво стало в избе! А то живешь, как медведь в своей берлоге. А в чистоте-то и настроение совсем другое и жить хочется с радостью! – говорила ему за столом Тата.

- Это точно ты сказала! – поддакнул ей Митяй.

Вскорости Тата, попрощавшись, ушла домой. А Митяй погрузился в такие думы. Он все думал о Тате.

- Надо же, какая она вроде бы совсем невзрачная, неприметная девушка среди наших деревенских, а как она все ловко и красиво умеет делать и, кажется все так ловко и быстро.

И с этого времени Митяй просто потерял покой, он все время жил только в ожидании, когда же опять к нему зайдет Тата…

Пропал наш Митяй с этого времени, влюбился по самые уши, как говорят. Вот в эту хроменькую девушку Тату. Посватался он потом к ней, хотя долго не решался зайти к ним в избу с таким предложением, знал, что незавидный он

жених, что с него взять – одна хата, да и та дыровата. Но согласилась Тата стать его женой и не прогадала.

Ох, если бы вы видели, какой Митяй дом тогда на радостях выстроил, с мезонином. Весь в кружевных наличниках. Полный двор скотинки завели, он все сам по хозяйству делал, Таточку свою берег, знал, что ей с хроменькой ногой тяжело по хозяйству управляться. И детишки у них потом пошли один лучше другого. И ходила наша Таточка по деревне краше всех баб. И платья у нее лучше и красивее всех – это уже она сама себе нашила, рукодельница была, и платки у нее какие захочешь – Митяй уж на подарки не скупился для своей самой дорогой и любимой женщины. Шуба у нее лисья, у Митяя - волчья – на что и охотник знатный был. Вот ведь что любовь-то с человеком делает. И стал наш Митяй просто красавец мужчина, пойди еще такого найди. Всегда чистый, выбритый, ухоженный. И Таточка просто как пава ходила. Вот такая счастливая семейная пара получилась.

Так что дело-то, получается, совсем не в красоте, а в настоящей искренней любви. Тут даже какие-то изъяны ничего не значат в жизни. Главное, чтобы люди любили и дорожили друг другом!

Вот ведь для чего человек на земле живет? Человек живет не только, чтобы работать и есть, а главное, чтобы семя свое здесь на земле оставить, чтобы род его на нем не закончился. А ведь иначе, как будто человек не жил! Обязательно нужно детишек после себя оставить для продолжения своего рода. Ведь почему человека семейным называют, что значит семя имейный, то есть детей своих родил и воспитывает, и свой род продолжает. Ведь вот даже каждая травинка, кустик и деревце всегда в землю свое семя сеет, о оно прорастает, и снова родятся те же травы, цветы, деревья. А иначе бы все уже давно и повымерло на земле, ежели бы каждый жил только для себя… Так же и с человеком!..

Пошутили...

Ах, молодость…

В одной деревне жили себе-были две бабки по соседству. Одна – Матрена, другая – Настасья. Жили себе жили… И вот однажды… Но об этом чуть позже, а то начало получается вроде сказки, а было это все на самом деле.

Но пока суть, да дело, хотелось бы рассказать о самих героинях. Обе соседки знали друг друга, буквально, с пеленок. Правда, Настасья была на два года постарше. Кроме этого она брала и верх над Матреной и по красоте, и по уму.

Даже сейчас, когда уже обе соседки стали беззубыми и сморщенными, как выжатый лимон, все равно бабка Настя выглядела куда лучше, чем ее подружка. Матрена и в девках была неказистой, какой-то неуклюжей, да и красотой ее Бог обделил, зато уж по характеру она была вся из себя. Но самое главное, Матрена совсем не понимала шуток, и из-за этого она всегда была любимым объектом для насмешек.

Вот так же и Настя однажды, еще в молодости, когда еще вместе бегали на вечеринки, решила подшутить над Матреной. А вышло все наоборот.

На одной из вечерок подметила Настя, что Мотя глаз не сводит с одного из парней из соседней деревни. А парень видный сам собой, косая сажень в плечах… Да и с юмором вроде все в порядке у него, что-нибудь да отчебучит, а девчонки от смеха заливаются…

У Насти, конечно же, был зале́тка, но решила она в этот раз позабавиться над незадачливой Мотей, которой просто катастрофически не везло с парнями. Когда начался вальс, Настасья сама подошла к тому парню, на которого положила глаз Матрена, и пригласила его на танец. А пока кружились, она ему намекнула, чтобы он на следующий танец пригласил вон ту девушку в розовом платье, то есть Мотю. А он не будь дурен, тут же спросил:

- А что мне за это будет?..

- Не знаю что?.. А просто я тебя поцелую! – отшутилась Настя.

- Согласен! Только два раза! – начал он ставить свои условия, подыгрывая ей.

- Что ж, хорошо! – не сдавалась Настя, - только тогда ты ей еще скажешь, что сегодня будешь ждать ее после вечерки у горбатой березы…

- Так ведь я не знаю, где это!..

- А я тебе покажу! – подзадоривала его Настасья, не ведая того, что творит.

- Зачем тебе все это? Ты разыграть решила ее?

- Ну, допустим!

- Для чего? И так она Богом обиженная! – имел он в виду ее красоту.

- Тебе то что? – не унималась Настя. – Или ты уже не хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

- Очень хочу! – отвечал он, решив не упускать такого момента.

- Ну, так что ж тогда! Али испугался?

- Кого? Ее?

- Тогда договорились?! – продолжала Настя.

- Лады! Только расплата сразу же! – подытожил сделку парень.

- Посмотрим на твое поведение! – отвечала она ему, лукаво улыбнувшись.

Танец закончился, и Настя отошла в сторонку. После небольшой паузы вновь заиграла гармошка, и тот парень, как и договорились, пригласил на танец Мотю.

Настя еле сдерживала смех, глядя на них. А Мотя была просто на седьмом небе от счастья… Вот он шепнул что-то ей на ухо, и ее лицо залилась краской от смущения. После этого танца до конца вечерки Матрена просто цвела…

Вечер заканчивался и все постепенно стали парочками расходиться, кто по домам, а кто-то незаметно растворялся в зеленых зарослях берез.

Настя подошла к Моте.

- Ты домой? А то пойдем вместе!

- Нет!.. Мне тут еще надо!.. – покраснев, объясняла ей Мотя.

- А-а-а! Ну, ну!.. – хихикнула подруга.

- Ну, тогда я пошла!

И она, как можно незаметнее, проскользнула меж деревьев, чтобы Мотя не заметила ее. А там ее уже поджидал Семен, тот самый парень.

- Ну что? Идем, поглядим! – с ехидством проговорила Настя, подмигнув ему.

- Зачем ты так? – не унимался Семен.

- Зачем, зачем? Так надо! – со злорадством вспылила она. – Не будет корчить из себя невесть что! Почаще бы на себя в зеркало глядела – страхолюдина!

- Ну, ты идешь или нет? – огрызнулась она.

- Идем! – нехотя поплелся за ней Семен.

Они крадучись шли меж деревьев к той горбатой березе, когда-то надломленной грозой, чтобы их ненароком не заметила Мотя, если пришла туда раньше.

Нет, Моти еще не было. И они, спрятавшись в близлежащих зарослях, замерли.

Тишина. Лишь слышно где-то, прямо над головой поет свои серенады соловей, да так самозабвенно, что Настя подумала: «Вот дал же Бог талант! Мне бы кто так спел!».

Тишину нарушил хруст веток, под тяжестью чьих-то ног. На полянке появилась Мотя. Она нервно оглядывалась по сторонам в поисках ее новоиспеченного зазнобы, но никого не было. Она присела на березу в ожидании его. И так просидела, буквально час.

- Вот это характер! – думала про нее Настя. - Я бы уже давно ушла, не пришел – и не надо! Мало что ли других парней?! Что на нем свет клином сошелся?!

Настя с Семеном сидели в кустах, боясь, лишний раз дыхнуть, казалось, что любой шум выдаст заговорщиков.

Так и не дождавшись своего провожатого, Мотя уже решила уйти домой. На глаза наворачивались слезы. В кои-то веки ей назначили свидание и то, похоже, пошутили. Она, как последняя дура, - размышляла она о себе, - шла сюда одна ночью через рощу.

Вдруг ей показалось, что кто-то идет. Она быстро спряталась за дерево. Из темноты появился Михаил – Настин ухажер. Мотя вышла из своего укрытия.

- Мотя?! – удивился он, увидев ее.

- А ты Насти здесь не видела случайно?

- Нет. Она с танцев сразу домой пошла!

- Домой?! – с непонимающим видом переспросил он.

- Да!

- А ты, что здесь делаешь?

- Я? Я, ничего! Так, гуляю. Домой просто идти пока неохота, вечер очень хороший, теплый сегодня.

- А-а-а! Ну, ну! Значит, Настя домой пошла?

- Да. Она сама мне сказала так.

Михаил о чем-то задумался. Лицо его стало озабоченным. Он посидел еще с минуту на горбатой березе и собрался уходить, но вспомнил о Моте.

- Ты долго еще тут гулять собираешься? А то пойдем, провожу. Темно ведь уже все-таки, да и поздно уже.

- Пойдем! – чуть сдерживая слезы, согласилась Мотя. И они исчезли в темноте.

Настя, видевшая всю эту сцену, просто «волосы рвала на себе».

- Что я наделала?! Дура! Просто набитая дура! – казнила она себя.

- Ну что, где ваш обещанный поцелуй?! Точнее два! – прервал ее терзания Семен.

- Да иди ты! – в сердцах вспылила Настя.

- Ну, ты же обещала?! Я свое дело сделал, сейчас твоя очередь! Думаешь, мне легко было с ней танцевать, когда все мои дружки чуть животы от смеха не надорвали?

Воцарилось молчание…

- Ладно! Раз обещала, значит, надо! Иди сюда! – выдавила сквозь слезы Настя.

Семен безропотно подошел, и Настя, едва коснувшись его губ, чмокнула его.

- Э-э-э! Мы так не договаривались. Этот не считается! – пробурчал недовольный Семен.

- Ну, ладно, давай по-настоящему! – с неохотой согласилась Настя.

И она, краснея от стыда, благо, что в темноте этого не было видно, поцеловала его, как умела. Но после ее поцелуя, Семен вдруг крепко обхватил ее за талию, опутав ее своими ручищами, еще долго, долго целовал ее. Настя вместо того, чтобы дать ему пощечину, как это было не раз с другими парнями, сама вдруг повинуясь своим чувствам, с наслаждением приняла его ласки. У нее просто кружилась голова, а он все целовал ее и целовал…

Вдруг, опомнившись, она резко оттолкнула его от себя, и побежала скорее прочь, от него, прочь от себя, от стыда, что обжигал ее с головы и до пят.

- Господи, что я делаю?! Дура безмозглая! Совсем с ума спятила что ли?! – ругала она себя, пока бежала до дома.

Семен не пытался ее догнать, он боялся, что сделает еще хуже.

- Да и зачем? – думал он, - то, что она обещала – выполнила. И поцеловала она его так, ради шутки, хотя ей это было, наверное, нелегко сделать.

Настя привычно влезла через окно в свою комнату. Через двери она не входила, когда возвращалась домой под утро, чтобы не тревожить родителей, да и лишний раз не нарываться на упреки.

Она быстренько разделась и залезла в кровать под одеяло. Пыталась заснуть, но не получалось. Губы горели от поцелуев Семена, и казалось, что настоящий пожар бушевал внутри ее.

- Так меня еще никто не целовал! – думала она, вспоминая произошедшее.

Лишь только под утро она заснула – все же сон переборол все ее терзания. С этого самого вечера пошло у них с Мишей все наперекосяк, получалось все не так, как хотелось и не так как нужно. А они Мотей с этого дня просто на дух не переносили друг друга, хотя старались делать вид, что ничего не произошло.

Настя и Семен после той вечерки уже не смогли быть друг без друга и вскорости решили пожениться.

Ну, а Михаил, осмеянный судьбой, то ли просто назло Насте женился на Моте, то ли просто сделал это из жалости к ней.

Хотя Настя с Семеном жили, как говорится, душа в душу, но все же, завидев в деревне Михаила рядом с Матреной, стыдливо опускала глаза. Она-то знала, что Михаил живет с Матреной ради сочувствия, а любит все-таки ее.

Вот и когда на фронт уходил, их забирали в одно время с Семеном, тайком прибежал к ней, чтобы попрощаться и, может быть, в последний раз поцеловать свою единственную настоящую любовь.

Лишь только в это время, когда мужья освобождали нашу страну от фашистских захватчиков, Мотя с Настей как-то сблизились, как-никак подружками все же были. Да и вместе все легче было дров заготовить на зиму и детишек вырастить. Бывало вместе и поревут, читая фронтовые письма мужей, но все же в душе у обеих сидела затаенная ненависть друг к другу.

Особенно это стало заметно, когда муж Настасьи, хотя и весь израненный, но все же вернулся с фронта домой. А у Матрены – погиб в 45 под Берлином, немного не дотянув до Победы.

Вот тут-то Мотя просто поедом ела Настю, завидуя ей в том, что она была всю жизнь удачливее ее, а ей, как всегда – не везло. При любом удобном случае Матрена старалась побольнее «ущипнуть» Настю ехидным словцом. Хотя Настасья в долгу тоже не оставалась, отшучивалась, как могла, не в пользу Матрены.

Каверзы бабки Матрены

Поутихла бабка Мотя лишь, когда Настя похоронила и своего Семена, которого видно здорово вымотала война – раны дали о себе знать.

Но все же нет-нет, да что-нибудь да «выкидывала» бабка Матрена в укор Насте за то, что тогда в молодости так подшутила над ней. Даже и на старости лет не унималась, старалась делать вид, что все ее проделки – лишь шутки ради и не больше. Но Настасья все же догадывалась откуда ветер дует, хотя делала вид, что этого не понимает.

Вот и в этот раз Матрена забесновалась, словно кто шило воткнул ей в одно место. После Рождества начались Святки и Страшны́е вечера, когда разрешалось гадать на судьбу, говаривали, что в эти дни предсказания были самыми верными. А так же в эти дни дурачились, кто, как мог: то поленницу развалят, то печную трубу тряпками забьют, а то и двери припрут жердью, что приходилось звать кого-либо на помощь, чтобы выбраться на свет божий.

Вот и Матрена, то ли молодость вспомнила на седьмом-то десятке лет, то ли, как говорится – седина в бороду – бес в ребро. Решила она опять потешиться над Настасьей, которая ни в черта, ни в Бога не верила. А захотелось Матрене попугать свою подруженьку, и вот, вспомнив то, как когда-то дурачились в молодости, она взяла небольшой камушек, приладила к нему нитку потолще, и подвесила этот камушек как раз над окном бабки Насти, а другой конец нитки привязала к яблоне под окном. От ветра, конечно же, ветки качало из стороны в стороны, и поэтому матренина система срабатывала просто великолепно. Камушек каждый раз, раскачиваясь от ветра, начинал «барабанить» в окно. И чем сильнее становился ветер, тем мощнее получался стук в окно. И выходило так, что кто-то стучит в окно, а на самом деле никого не было видно.

А чтобы страху еще по-больше нагнать на свою подружку, бабка Мотя еще и воткнула пустую ломаную бутылку в одно из бревен на доме Настасьи.

Просто слышала когда-то Матрена от людей, что вот так воткнув ломаную бутылку в бревно дома она, «заглатывая» ветер издавала такой истошный вой… Бабка Мотя, подготовив все свои изобретения, постаралась побыстрее исчезнуть с места преступления, чтобы вдруг бы не нарваться на Настю.

Довольная сотворенными своими «подвигами» и каверзами, баба Мотя спокойно прилегла на печи, чтобы отогреть старые косточки – озябла, пока наползалась по сугробам под настасьиными окнами, так что снегу начерпала полные валенки – на него нынче большой «урожай» был…

А в это время Настасья собиралась в гости к Матрене – скучно одной-то целыми вечерами сидеть… Вот и решила: «Дай, думает, к соседке на чаек схожу!». Да идти придумала непросто так, а раз страшны́е вечера – решила тоже покуражиться над подругой. Придумала «принарядиться», как бы поколядовать сходить… Что надеть – сообразила быстро. Достала, еще доселе сохранившийся Семенов тулуп, вывернула его наизнанку. Вынула из сундука цветную шаль, хотела что-то типа цыганки изобразить, да вот волосы жаль уже седые – все не то. И тут она вспомнила, что у нее где-то завалялась черная синтетическая веревка, которую когда распустишь и распушишь, то получалась как будто прядь смоляных волос. Вот ее-то и решила пустить в расход на «волосы» Настасья. Парик получился отменный, просто загляденье… Сверху шаль….

- Ну чем не цыганка! – одобрительно заключила Настасья, разглядывая себя в зеркало. - Вот только жаль, ведь все равно Матрена ее сразу признает – лица сажей не замажешь. И так и сяк кумекала она, что бы такое сделать, чтобы Мотя ее не узнала… и придумала!.. Взяла старый капроновый чулок, прорезала в нем отверстия для глаз и рта, натянула на голову и снова подошла к зеркалу…

- Ой, Господи, чудо-то какое!?. – испугалась сама своего вида Настя. Но потом, рассмеявшись над своими проделками, решила, что это как раз то, что нужно. Поверх маски она воодрузила «парик», накинула тулуп, затем накинула шаль и вышла из дома. Правда, прихватила с собой еще и гостинцев для подружки – пирожков нынче напекла, чтобы потом вместе побаловаться чайком.

Бабка Матрена жила по соседству, буквально в двух шагах от нее, так что Настасья была уверена, что ее больше в таком обличии никто не заметит.

Она подошла к дому бабки Матрены, постучала в дверь…

- Кого еще там черти несут в такую непогодь? – забурчала Мотя. Накинула на себя одежонку и вышла в сенцы.

- Кто там? А ответ молчание…

- Да кто? Чего молчите-то? – с недовольством в голосе спрашивала она.

Мотя все же подошла к двери, приоткрыла их… А там стояло не весть что… В темноте наряд бабы Насти выглядел еще эффектнее.

Матрена обомлела, глаза судорожно расширились и ей как-то сразу поплохело…

- Коляда, коляда – отворяй ворота! – начала было петь баба Настя, входя в роль. Потом вдруг видит, что вместо радушной встречи гостьи, ее соседка медленно начала сползать вниз по дверному косяку прямо на пол…

Бабка Настя, увидев такой поворот событий, сама испугалась не меньше подруги.

- Боже ж ты мой!? Что я творю-то?! Мотя, Матренушка, милая, прости ты меня дуру старую!.. Я ж это, я, Настя! Бабка Матрена вдруг застонала, схватившись за сердце…

- Ой, ой! Перхоть ты старая! Так и помереть недолго!.. Ой, плохо мне, аж дыху не хватает…

- Матренушка, да ты что?!

Баба Настя скинула свое чудаческое облачение. Тарелку с пирожками тут и поставила в сенях, поняв, что соседке, действительно, плохо. Подхватила Матрену под руки и втащила в дом, так как та от страха еле передвигала ногами. Кое-как дотащила ее до кровати, поскорее накапала ей сердечных капель и уложила в постель.

- Мотя, милая, прости уж ты меня ненормальную! Я ведь только пошутить хотела…

- Пошутила?! – только и смогла выдавить из себя Матрена. И больше ни слова…

- Ну что, больно тебе плохо, а? – переживала Настя о здоровье соседки.

- Да иди уж! Я без тебя-то лучше отлежусь.

Баба Настя собралась и у порога, обернувшись, сказала:

- Ну, если что, зови! И ушла с огромным чувством вины о содеянном.

Шла домой расстроенная, всю себя приругала.

- Это ж надо, словно черт меня надоумил сделать такое…. Матрену чуть до смерти не напугала. Хватило же ума!? Велика Федора, да дура! – как только не костерила себя Настя, пока шла до дома.

Зашла домой и в растрепанных чувствах, улеглась в кровать. Потушила свет, но в глаза словно кто спички воткнул – заснуть не могла… Так лежала и лежала… Вот уже и радио замолчало…

- Надо же, уже первый час ночи, а я все еще не сплю!.. – думала она. Повернулась на другой бок…

Вдруг в окошко кто-то постучал. – Показалось! - решила баба Настя.

Тук-тук-тук-тук, - снова стук в окне. Настасья привстала, еще раз прислушалась. Снова стук… Да и еще как будто кто-то воет за окном.

- Что за наваждение? – уже не на шутку озадачилась баба Настя. Она подошла к окну, свет зажигать не стала, так виднее улицу из окна.

Вглядывалась, вглядывалась то в одно окошко, то в другое, но никого не было видно… Походила, походила, снова прилегла. Нет, все равно кто-то стучит в окно и вой на улице такой страшный, протяжный: у-у-у-у-у-у-ууууу.

Бабе Насте стало жутковато, да и не по себе, мало ли кто по ночам шастает?.. Но все же она встала, оделась и вышла в сени.

- Кого там черти носят? В ответ ни гу-гу…

- Да кто там? – еще громче спросила она. И опять ничего…

Баба Настя вернулась домой в полном недоумении. Снова посмотрела во все окна – никого…

- Да что за леший? Кому я среди ночи-то понадобилась? Еще и дурачатся там надо мной, - ругалась она про себя.

Но все же свет баба Настя решила не включать, чтобы не выдавать себя. Замерла, как разведчик. И так всю ночь и просидела она возле окна, прячась за занавесками, не зная, что и делать… В окно так все кто-то стучал и выл так протяжно, аж мурашки по коже пробирали, но выйти на улицу и поглядеть, ей было страшновато.

- А вдруг беглый какой? – думала она. - Сейчас много из тюрем сбегают, по телевизору видела. – Если я выйду, а он вдруг бах меня по голове… и все…

Баба Настя уж было и молиться начала, вспомнила все молитвы, которые знала и не знала… И «Корвалолу» попила, уж очень дурно ей было этой ночью одной.

Лишь утром, когда к ней пришла Матрена навестить ее и сказать, что все обошлось с ней нормально, она и узнала, что это ее подружка решила таким образом подшутить над ней. Рассказала ей о том, как она это все сделала.

- Вот дура ты старая!.. – начала было ругать Мотю баба Настя, но примолкла, вспомнив, что сама наделала этой ночью.

- Я из-за тебя всю ночь «Корвалол» пила!..

- И я тоже! – вставила Матрена.

Посмотрели друг на друга две подружки и засмеялись сами над собой и своими проделками. А потом вместе дружно пили чай с настиными пирожками.

Смех, да и только...

Баба Дарья вернулась с улицы с охапкой дров, положила их перед печью и, сняв с себя телогрейку, аккуратно начала укладывать поленья в чело печи. Через несколько минут там уже бушевал огонь. Он кусочек за кусочком ласково «облизывал» своим горячим языком каждое поленце, оставляя после себя темный след, и превращая полешки, до селе пахнущие смолой, в угли.

Дарья присела у печи. Она любила смотреть на огонь, как языки пламени, перемещаясь по древесине, танцевали огненный танец. Особенно ей нравилось сидеть у печи, когда она уже протапливалась, и смотреть на раскаленные угли, которые так причудливо играли огоньками: то чуть потухали, то вновь вспыхивали ярким рубином. Ничего вроде бы необычного, каждый раз одно и то же, а все равно Дарья каждый раз снова и снова подсаживалась к печи и смотрела на танец и фокусы Огненного шамана. Почему-то огонь успокаивал ее, и все проблемы и тревоги сразу же, как будто уходили в никуда.

Как обычно за то время, пока топилась печь, баба Дарья старалась успеть и накормить скотину, и приготовить целую партию чугунков и крынок, наполненных картошкой, молоком и будущим супом, чтобы потом все это отправить в пылающий жаром зев печи для полной готовности блюд.

Это мы сейчас не можем представить себя на кухне без газовой или электрической плиты, без них нам, кажется ничего не приготовить. А вот раньше печь была и вместо кухонных плит, и самым незаменимым «интерьером» в избе.

Печь была и тем, где можно было приготовить, и в то же время служила местной отопительной системой избы, которую можно было нагреть на свое усмотрение – пожарче или похолоднее.

А так же печь тогда была и домашним доктором. Чуть приболела баба Дарья, сразу лезла на печь: то спину полечить, то ноги погреть. И надо заметить – не было и лучшего лекарства тогда, чем печь, как рукой снимало и боли, и простуду. Толи кирпичи вбирали в себя и вытягивали хворь, то ли что другое, но после такого «лекаря» - печи, становилось легче и душе, и телу.

Кроме того печь для Дарьи имела и еще одно значение, она в доме для нее была словно самый родной человек. Каждый раз, пока она стряпала и суетилась у печи, все время разговаривала с ней, как с самой лучшей подругой. Она то хвалила ее, а то и бранила иногда, когда стряпня не удавалась.

- Что ж ты сегодня поленилась, моя дорогая? – бывало, сердито бурчала она на печь. - Аль дрова тебе нóнче не те? Или наоборот нахваливала ее, когда у Дарьи стряпня удавалась.

- Кормилица ты моя! – ласково приговаривала она, - я пока суть - да дело, а ты уже все приготовить успела! Да вкусно-то как! Вот уж сегодня суп

дак суп! А картошечка-то как упарилась – язык проглотишь… Ешь – не наешься! Если бы не ты, моя голубушка, чтобы я без тебя тогда делала?! - рассуждала в такие моменты про себя Дарья.

Хотя бабе Дарье, как и всем в деревне тоже провели в избу газ, но она все же предпочитала готовить в своей старенькой печи – не изменяла ей. Да и в печи просто любая еда получалась куда вкуснее, чем на газу. То ли оттого, что тихонечко томилась и томилась в печке, а не бешено бурлила и пыхтела, готовясь на газу, то ли печь была куда мудрее в кулинарских делах. Вроде бы готовишь один и тот же суп, а из печи он все равно вкуснее получался… Потому и, наверное, сын не зря нахваливал ее кушанья, когда наведывался из города в гости.

- Такие деликатесы, мамуля, - говаривал он, - ни в одном ресторане не отведаешь!..

А Дарья рдела в такие моменты от его похвал, и сердцу было так приятно, что таких яств нет ни у кого, а только у нее. Да и, что говорить, баба Дарья, действительно, кроме этого наверняка знала свои кулинарные секреты. Ведь в деревне у всех были русские печи, а вот почему-то у Дарьи получалась всегда самая лучшая стряпня. Недаром видно говорится, что одна мучка – да разные ручки… И что бы ни случилось в деревне: свадьба ли у кого, провожанки, или поминки, сразу же все соседки бежали именно к ней заказывать стряпню на стол. А для Дарьи и не было лучшей награды, что ее так уважают в деревне, ее кулинарные способности и она старалась, как могла. За это и уважали Дарью в деревне все и за ее добродушный характер, что никогда никому не откажет ежели, что случится, хотя иногда и самой бы кто пособил - не отказалась бы…

Печь уже протопилась, все дела по дому были переделаны и баба Дарья решила прилечь отдохнуть… Полезла на печь, снова в который раз замечая, что ее кирпичная подружка скоро совсем развалится. Трещин и щелей с каждым разом становилось все больше. Местами даже повыпадывали кусочки кирпичей.

- Совсем ты у меня плоха стала! – в который раз подмечала Дарья. – Отремонтировать бы тебя и опять бы жить – не тужить можно! Только тут уж без мастера-то мне самой ничего не сделать! Как бы я тебя не латала, а все равно нужен настоящий печник.

Печных дел мастера в деревне не было и приходилось чаще всего зазывать их из соседних деревень или из города.

Все же выпал такой случай, когда в деревне появился печник. Пришел перекладывать печь у соседей, и Дарья не преминула воспользоваться таким моментом, сходила к соседке и попросила заглянуть вечерочком мастера и к ней.

Кирпич у Дарьи был приготовлен еще с той зимы – выпросила у председателя колхоза, да и глина была припасена на всякий случай – словно и ждала мастера.

- Э-э-э-э, да тут работы не на один часок! – заключил пришедший печник, осмотрев печь со всех сторон, как доктор больного. – Ну что ж, завтра с утра и начнем! – объяснил он Дарье.

Баба Дарья суетливо ходила за мастером и выслушивала его мнения и замечания, что нужно будет сделать завтра.

- Что ж, завтра, так завтра! – радостно согласилась она с благодарностью в душе, что печник не отказал ей подремонтировать печь.

Дарья проводила мастера за ворота, а сама вернулась домой и уселась в раздумьях у печи.

- Ну вот, завтра ты у меня будешь опять, как новенькая! – радостно она разговаривала вполголоса с печкой.

Потом вдруг спохватилась: «Вот ведь старая колода, совсем забыла спросить чем расплачиваться-то с мастером нужно будет?!». – Вдруг запросит много денег за работу – из города все ж! – думала она, - там почти все хапуги, так и норовят последний кусок из горла вырвать! А ведь ничего не поделаешь – самой-то печь никак не отремонтировать, да и денег-то больших у меня нет, – беспокоилась она. – Ну да, ладно. В крайнем случае – перезаймусь! – Что делать-то? Куды́ мне без печи-то но́нче?!

На этом и успокоилась баба Дарья.

Наутро, буквально чуть свет, печник был уже у нее дома.

- Работящий! – подумала о нем баба Дарья. – Рано встает! Кто рано встает – тому Бог подает! – припомнилось тут бабе Дарье. – Значит, настоящий мастер!

Пока мужчина возился с печью, Дарья по мере возможности, чем могла подсобляла ему. То водички принесет, то глины намесит – все ж не без дела сидеть.

Радовалась баба Дарья, глядя на ловкие руки печника, которые просто колдовали над ее кормилицей. Осторожно и умело печник доставал и снова вкладывал кирпичи, заменяя растрескавшиеся и развалившиеся на новые. Потом столь же аккуратно и заботливо замазывал глиной все прорехи и щели.

- Ну вот, почти и все, осталась лишь самая малость, - сказал он, обратившись к Дарье, прикуривая сигаретку.

- Вот и хорошо! Больно ладно у тебя все получается! - продолжала начатый разговор Дарья. – И быстро и аккуратно-то все как. Учился где этому ремеслу-то, поди́, али отец передал? – поинтересовалась баба Дарья.

- Да нет, специально этому не обучался! Жизнь всему научит, когда припрет - и печи класть, и пряжу прясть! – рассмеялся он ей в ответ.

- Приходится временами подрабатывать – нынче без денег никуда – дорого все стало. Да и дочку выучить надо. В институт она у меня поступила. Нынче без грамоты и диплома-то никуда! Что делать, сейчас мы им помогаем - потом они нам! Ведь старость-то не за горами…

- Да, милой, да! – соглашалась с ним Дарья, кивая головой.

И тут она решила, что самое время спросить у него об оплате, дорого ли возьмет за ремонт.

- Много ли ты, касатик, за работу-то свою берешь? – начала разговор баба Дарья, как бы издалека. – Ты уж сам оплату-то назначай, а то ведь я баба неграмотная, отку́ль мне знать, что почем? Обидеть просто не хочу такого мастера на все руки, - продолжала разговор баба Дарья.

- Да чего там, - отозвался печник, - грех с вас много-то брать. Пенсия-то поди́ никудышная?! Да я почти ничего и не сделал, - продолжал он, - заменил лишь несколько кирпичей, да щели залатал.

- Ну, а все же, сколько? – не отступалась баба Дарья. – Что положено за работу – то положено!

- Ну, если рублей десять возьму! Немного для тебя это будет, мамаша? Ну, а если вдобавок еще бутылочку «нарисуешь», будет вообще великолепно! Все же после работы можно!

- Ладно, ладно, сынок, как ведь скажешь – так и сделаю! – соглашалась с такой оплатой баба Дарья. – Все ж не так дорого, - смекала она. А вот как я ему бутылочку-то нарисую, вот это не знаю? - призадумалась она. – Рисовать-то я и совсем не умею. Уж что-что, а это не умею…

Баба Дарья вышла в сени все еще в раздумьях о том, зачем печнику бутылку-то рисовать нужно и где?

- Ой, милок, прости неразумную, спрошу. Тебе где нарисовать-то здесь, али где? – спросила баба Дарья печника, вернувшись в избу.

- Так ведь это уже, мамаша, где тебе будет удобнее! Мне-то все равно, что здесь, что там! – пояснял ей печник, уже, моя руки после работы.

- Ладно, хорошо, хорошо! Как скажешь, так и сделаю! – и Дарья снова поспешно вышла в сени.

- Вот ведь чего учудил? - сетовала баба Дарья, не понимая того, как она нарисует ему бутылочку. – То ли потешается над старухой, то ли так сейчас модно?!. – не унималась она в своих догадках.

- Ой, да чего мозги-то ломать?! Сбегаю сейчас к соседке, он ведь у них вчера́сь печь перекладывал. Вот и спрошу у нее, как она ему бутылочку-то эту треклятую рисовала. Ну, а уж, в крайнем случае, ежели так внучку попрошу нарисовать, их в школе учат рисованию, авось, намалюет чего-нибудь.

И баба Дарья спешно побежала по извилистой тропке к соседке за расспросами, чтобы узнать, что да как делать нужно.

- Ой, Вера, че иду-то к тебе?! – начала прямо с порога разговор с соседкой, не успев даже толком отдышаться.

- Вчера́сь у тебя печник-то был?

- Был, был! Вон, видишь, какую печь сладил – просто загляденье! – хвалилась она перед Дарьей.

- Да вижу, вижу, что настоящий мастер делал! – справедливо заметила Дарья, оглядывая еще пахнущую сырой глиной и известкой новую печь.

- Больно уж аккуратно он все делает! Просто молодец! – продолжала баба Дарья. – Только я к тебе не за этим пришла, не на печь полюбоваться. – Ты вот мне просто объясни, как ты с ним расплачивалась за печь? Я вот просто тут никак не пойму чего он хочет? Ну ладно, деньги я ему отдать-то отдам, а ведь он еще зачем-то просит бутылочку нарисовать? Вот скажи зачем, никак в толк не возьму? Неужель, и ты тоже рисовала ему эту бутылку? – и Дарья сделала такое озабоченное лицо.

- Ой, Господи! Ой, насмешила! – залилась вдруг в судорожном смехе соседка, обнажая свой беззубый рот. – Иначе и не скажешь, что дура ты старая, да и только! – продолжала соседка, еле отдышавшись от смеха.

- Ну ты, что Агафья Лыкова из сибирской тайги али как? Должна же понимать хоть немного что-то! Сколь лет прожила, а ума так и не нажила! Ведь он тебе намекал, чтобы ты ему за работу, бутылку еще на стол поставила! Только они видно сейчас так выражаются «нарисовать»! Что говорить, ведь хоруд!

- Так бы и говорил по-русски! – с обидой в голосе вскипела Дарья на соседку. – А то нарисуй, да нарисуй! И чего только не выдумают?! И меня старую совсем с толку сбил!

Дарья вернулась домой, ругая себя за свою недогадливость и старческий маразм. Когда она вошла в избу, печник уже управился с работой и складывал все свои инструменты и пожитки в полотняную сумку. Пока он переодевался в чистую одежду, Дарья уже успела накрыть на стол, где прямо во главе стола стояла бутылка водки, которую достала из сундука, давно припрятанную на всякий случай. Сейчас бутылка водки была самой ходовой «валютой» - за все можно было расплатиться: за навоз, что подвезли с фермы, за вспашку огорода, за подвезенные дрова и много другое. Самой-то это было не под силу, вот и приходилось каждый раз кого-нибудь нанимать.

- Вот это хорошо! – нахваливал печник Дарью, усаживаясь за стол, на котором уже аппетитно дымилась свежая отвареная рассыпчатая картошечка, а рядом в тарелочке глянцем поблескивали свежие малосольные огурчики. Дарья и рыжиков соленых принесла, и колбаски домашней порезала. Все для дорогого мастера старалась угодить.

- Кушай, кушай, ми́лай! Уработался, наверное? - хлопотала возле него Дарья. – Дай тебе Бог здоровья, сынок! – приговаривала она. – Опять, глядишь, надолго печки-то хватит! Вон, как новенькая стоит!

- Так оно ж как, мамаша, если взялся за работу, то нужно ее на совесть делать. Если взялся за работу – делай ее так, чтобы потом душа от радости

пела! Правильно я говорю? – обращался он к Дарье. – А если делать просто тяп-ляп, то лучше вообще не браться за дело.

- Так, милок, так! Правильно говоришь! – соглашалась с ним баба Дарья, заботливо подкладывая ему в тарелку угощения.

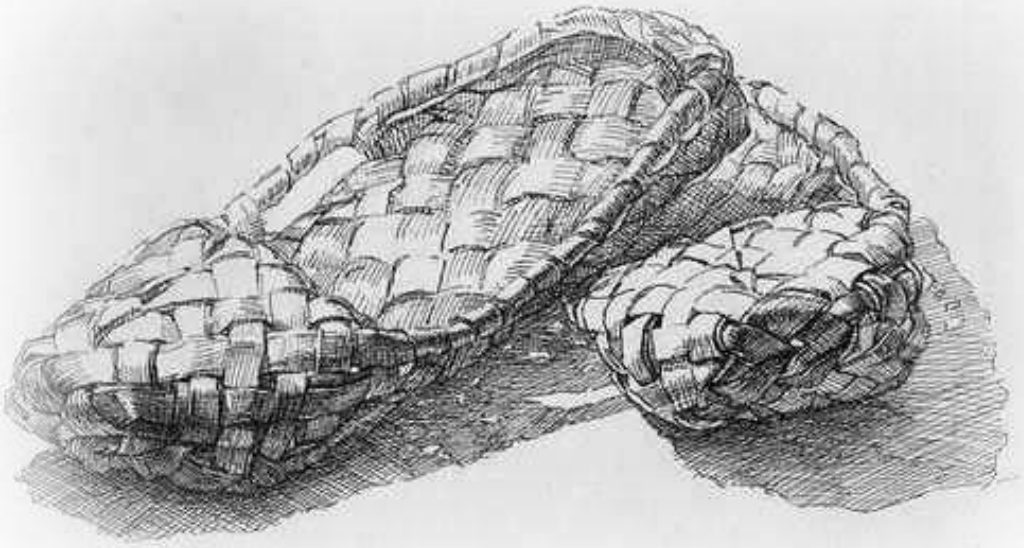
Печник немного выпил, поел и стал собираться.

- Ну, что ж, мамаша, спасибо за угощения! А, если что зови – приду, помогу! – продолжал он, собираясь на ходу.

- А что ж бутылочку-то не прихватил с собой? Там еще немало осталось?

- Оставь ее до следующего раза! – отшутился печник. – Я ведь не ради пьянки, а просто с устаточку выпил.

Мастер ушел, а Дарья потом с соседкой Верой еще частенько вспоминали, порой со слезами на глазах от смеха, как Дарья хотела «рисовать» бутылочку печнику.



Лапотница

В первый класс я пошла учиться в 44 году. Этот год как-то не очень ярко выразился в моей памяти – мала еще была. Но вот зато второй год моей учебы был для меня просто незабываем…

Первый класс Молотовской школы я закончила, на следующий год я пошла во второй класс. Вот тут-то все и началось…

В семье нас у мамы было четверо, я была средняя – вторая. Старшая сестра уже начала работать, хотя ей было всего 11 лет тогда. Но как-то нужно было помогать семье, поднимать на ноги нас младших. Отец у нас без вести пропал на фронте, считай, что погиб, только говорится, что пропал, как будто это булавка или иголка в стоге сена. И, конечно же, жилось нам тогда в нашей деревеньке совсем худо. Кроме того, что мы были постоянно полуголодные - есть-то совсем было нечего – единственную кормилицу корову и ту пришлось сдать на мясо – заболела. И остались мы у разбитого корыта… Чаще всего нашей едой была лебеда, подорожник и крапива в разных видах, ну и, конечно же, похлебки, приправленные чуть-чуть «для запаха» мучкой. С такой пищи, конечно же, не наедался, а лишь животы пухли. Летом все же спасал огород.

Вот из такой семьи я и пошла в первый класс. Одежды тоже, практически, никакой не было: платье цветное из ситца стираное-перестиранное, кой-какое пальтишко из портянины, сшитое маминими руками, и на ногах… лапти. Вот из-за них-то и перевернулась вся моя тогдашняя жизнь, буквально на изнанку.

Когда я уже училась во втором классе, однажды к нам в школу приехала какая-то проверка, толи районная или областная – не знаю, я тогда в этом еще ничего не понимала. И на одном из уроков к нам эта проверка тоже зашла в класс, в тот самый, где когда-то учился сам знаменитый Вячеслав Молотов. Мы, конечно же, в классе все дружно встали, приветствуя гостей. И вдруг в глаза одному из проверяющих, похоже, самому главному из них, бросились мои лапти. Он сразу весь изменился в лице, а потом на весь класс изрек:

- Как? В Молотовской школе и в лаптях?.. Тем более в этом классе, где учился сам Молотов!.. Это просто ужасно, этого просто не должно быть!..

Наша учительница и директор школы тогда стояли все пунцовые от такого замечания. И после этого инцидента меня сразу же перевели в другую школу, видимо, в ней в лаптях учиться было можно…

Новая учительница меня сразу не взлюбила. То ли ей тоже не нравился мой вид, то ли что другое – не знаю. Была я в то время очень не смелая, худенькая и все время старалась быть незамеченной. Я не всегда выполняла домашние задания, и нашу учительницу это ужасно раздражало, потому что учебников всем не хватало – давали один комплект на троих учеников.

А так, как ребят в новом классе я знала совсем еще плохо, да и в придачу деревенская девчонка, я боялась лишний раз у кого-то что-то

спросить, а тем более попросить. Поэтому и боялась попросить у кого-то учебники, чтобы сделать домашние задания и приходила в школу с невыученными уроками. И эта учительница просто решила избавиться от меня, ведь я, двоечница, портила все показатели учебы в этом классе.

Маме в то время было совсем не до меня, из деревни в город много не набегаешь, да и некогда - нужно было как-то выживать и кормить остальных братишек и сестренку, поэтому я должна была заботиться сама о себе. А уж тем более об учебе, мама наша была совсем неграмотная и ничем мне не могла помочь в этом. И мать в то время как-то не осуждала меня из-за плохой учебы. Что делать, раз не идет учеба в прок?!.

И вот я - второгодница снова в первом классе, меня перевели туда за неуспеваемость. Снова новые ребята и учительница…

Но здесь мне с классной руководительницей просто повезло. Кто знает, если бы не она, доучилась бы я тогда в школе или нет. Как сейчас помню, эту учительницу звали Надежда Степановна. Была она женщина незамужняя, не так хороша лицом, но зато очень добрая. Что я ей тогда далась, но видимо чем-то запала в душу.

Когда я уже проучилась в этом классе целую неделю, Надежда Степановна поняла, что я совсем не тупица, а даже наоборот, была очень понятливая и все схватывала просто на лету.

- Почему тебя снова в первый класс пересадили? – спрашивала она меня тогда. – Ведь ты же очень способная девочка!

- Не знаю! – робко отвечала я – второгодница, не смея поднять глаза от стыда на учительницу. – Меня та учительница просто не полюбила почему-то. Она все кричала на меня из-за того, что я не учила уроки. А как я их выучу, если у меня нет учебников?!.

По щекам у меня покатились слезы…

- Как не было учебников? – с недоумением смотрела на меня Надежда Степановна.

- Мне просто стыдно было попросить их у кого-то из ребят, - продолжала я с ней разговор.

- А что худенькая такая, вон даже все ребрышки можно пересчитать у тебя? Ты болеешь?

- Нет! – отвечала я ей.

- Тогда, наверное, плохо кушаешь? Почему ты с собой ничего не приносишь? Все ребята на переменках едят что-то, а ты, как я заметила, все сидишь голодная.

- А у меня просто нечего принести!

- А что разве мама тебе ничего не приносит из деревни

- Мало! Там тоже нечего есть! Да и у бабушки, у которой я живу в городе тоже мало, что есть из еды.

До сих пор помню этот взгляд Надежды Степановны, с такой глубокой жалостью смотрящей на меня.

Помолчав, она, вдруг что-то вспомнив, проговорила:

- Ой, Машенька, милая, тебе не будет трудно, если ты мне сегодня поможешь тетради до дома донести? А то что-то сегодня их очень много набралось у меня.

- Помогу! – охотно согласилась я.

Лишь потом, уже много позже, я поняла замысел Надежды Степановны. Под предлогом, чтобы помочь донести ей тетради до дома и проверять их вместе с ней, она таким образом старалась накормить меня у себя в гостях.

Сначала она, конечно же, меня еле усаживала за стол – я очень стеснялась, хотя при виде пищи на столе у меня так сосало под ложечкой и урчало в животе, что казалось этот звук раздавался по всей комнате. Но все же она меня уговаривала, и мы вместе кушали с ней.

- Ты ешь, ешь, Маруся! Ведь я одна живу, поэтому, что покушать у меня есть! Да и одной скучно как-то есть. А с тобой веселее! – оправдывалась она передо мной.

Пока я усердно проверяла тетради у учеников, подчеркивая красным карандашом ошибки, Надежда Степановна в это время суетилась на кухне, что-то готовила, чтобы накормить меня.

А какая радость была у меня, когда мне от школы выделили пиджак вместо кофточки, видимо их не было. Правда, пиджак был мальчишечий и почему-то желтого цвета, но для меня и это было такой радостью! А еще мне справили тогда и самое настоящее пальто и ботинки. Правда, ботинки были, как это сейчас называется на деревянном ходу (на деревянной подошве), но радости моей не было предела. И пусть я в этих ботинках ходила, как в колодках – подошва просто не гнулась и отбивала при каждом шаге «чечетку», зато это были уже не лапти, а самые настоящие ботинки.

Помню, перед тем, как вручить мне все эти вещи, Надежда Степановна зашла в класс и, глянув на меня, сказала:

- Никулина, пойдем со мной к директору! Как я тогда перепугалась… Я думала, что меня хотят исключить из школы, поэтому вызывают к директору. А когда мне сам директор вручил все обновки, я даже не поверила, что это все именно мне…

- Ну, носи! – похлопал меня радостно по плечу тогда директор.

- А насчет здоровья, - продолжал он свой разговор уже с Надеждой Степановной, - так скоро в школе будет медосмотр и я попрошу, чтобы ее осмотрели повнимательнее.

В этот день я не просто бежала, я неслась домой к бабушке, у которой жила в городе, со своими обновками: в руках пальто и пиджак, ботинки наперевес через плечо.

- Бабушка, - прямо с порога, вся запыхавшись, я кричала ей, - посмотри, что мне дали в школе?! А сама просто вся светилась от радости.

- Ну, Господи, носи милая! Видно все же есть Бог на свете! – только и вымолвила она тогда. Потом вдруг отвернулась к печке, как бы загребая угли, а сама незаметно вытирала кончиком платка набежавшие слезы. Тогда я не понимала, почему бабушка плачет, ведь вроде бы радовалась вместе со мной. А почему тогда слезы?!.

Вот и настал день медосмотра, которого я очень ждала. Нам должны были сделать прививки от туберкулеза и, если бы кто-то из нас оказался болен им, то его направили бы в туберкулезный санаторий, который располагался у нас же в городе. А уж туда попасть хотелось многим ребятам. Нам не важно тогда было, что туберкулез – это очень серьезная болезнь, главное, что в санатории очень хорошо кормили… Давали кашу и масло с хлебом каждый день. Об этом можно было только мечтать в наше время. Врачи осмотрели и меня, «восхищаясь» моими торчащими ребрышками. Сделали и прививку. Домой я опять прибежала довольная, в надежде, что скоро меня обязательно направят в санаторий. Я буквально глаз не спускала со своей прививки, все ждала результата, что она покажет. Через три дня у нас у всех проверили результаты прививок, и оказалось, что я здорова, не больна туберкулезом. Мне бы радоваться нужно, а я тогда ревела просто навзрыд. Надежда Степановна успокаивала меня тогда, говорила, что глупая я и радоваться нужно этому, что я не больна.

- Так я бы там хоть наелась! – с горечью я ей говорила сквозь слезы.

Видела бы я в этот момент глаза учительницы полные слез, которые она еле сдерживала.

На следующий день я, как обычно пришла в школу, села на свое место в классе и вдруг я заметила в глубине парты кусочек хлеба, намазанный сливочным маслом, поверх которого лежал кусочек селедки. У меня просто слюнки потекли от увиденного. Но тронуть этот кусочек хлеба я не смела, а вдруг это чье-то и кто-то из ребят просто забыл хлебушек в моей парте.

- У меня кто-то в парте хлеб забыл! – сообщила я в переменку ребятам в классе. А сама еле высидела тогда урок, от запаха хлеба и селедки просто кружилась голова, и так его хотелось съесть… Но никто из ребят ничего не ответил на мой вопрос. А на следующей переменке ко мне подошла Валя, она сама была из детского дома и шепотом сообщила мне на ушко: «Ешь, это я тебе принесла!» И потом, буквально, каждый день, я находила у себя в парте подобные послания: то кусочек хлеба с котлеткой, то хлеб с маслом, а то и просто один хлеб.

Кто знает, может быть, эта Валя приносила мне тогда свою порцию, что им давали в детском доме. Но я ей тогда так была благодарна, все не совсем голодная сидела на уроках.

Я не знаю, кто надоумил эту Валентину подкармливать меня, но я и по сей день благодарна моим спасительницам - этой Валечке и Надежде Степановне, которые просто спасали в то время меня от голода. До сих пор не верится, что это когда-то было со мной…

Августа

Августа торопилась домой на обед. Нужно было что-то самой перекусить, да и четверых детишек накормить. Пока шла от фермы, что находилась на краю деревни за лужками, вся перемерзла – зима 42 года нынче не баловала.

Вошла с мороза в избу, в лицо сразу дыхнуло ласковым домашним теплом.

- А мороз-то сегодня какой! Ух, так и до костей пробирает! – прямо с порога сообщила она своим ребятишкам, которые сразу же окружили ее со всех сторон, как только она вошла в дом, обрадовавшись приходу матери.

- Хорошо, что с утра успела печку протопить! - думала Августа, - а то сейчас бы и обогреться негде было, да и детишки в тепле сидят.

Она прижалась к печи, грея озябшие руки и вдруг стук в дверь. В избу вошел незнакомый мужчина средних лет, довольно упитанный.

- Гражданка Никулина? – начал он задавать вопросы прямо с порога недовольным тоном.

- Да! – ответила Августа и сразу как бы вся обмерла, не зная, что ожидать от незваного гостя.

- Вы почему ж это, гражданка, налоги не платите? Или для вас закону нет?! – продолжал мужчина, обращаясь с упреком к Августе.

- Уполномоченный! – догадалась Августа. – Дождалась все-таки!.. – Продналог приехал собирать, значит?! А что я тебе дам? – думала тогда про себя Августа. Мы и сами уже давно не видали ни мяса, ни молока, ни яиц.

- Вы что думаете, нам делать больше нечего, как ездить по деревням и собирать ваши налоги? – прервал ее мысли уполномоченный, продолжая кричать на Августу. – Мотаешься тут из-за вас по такому морозу, - продолжал он недовольным тоном. – Почему другие сдают, а вы нет?! Чем вы лучше их? – не унимался он.

- Нет у меня ничего! Нечего мне отдавать вам, вот потому и не сдаю! – виновато оправдывалась Августа.

- Как это нет? Я сейчас сам по хлевам пойду – сразу все найдется!

Но и даже тогда, когда он заглянул в совершенно пустые хлевы, где ни корова не мычала – заболела и пришлось сдать ее на мясо, ни порося не хрюкало – самим есть было нечего, а уж тем более кормить поросенка, потому и не держала тогда. Лишь по ограде бегало пяток куриц и то каких-то мореных, зерна курам тоже не хватало, кормить было практически нечем. Но даже, увидев такую тяжелую картину дел, уполномоченный все равно не унимался.

- Это не мое дело! Берите, где хотите! Вы обязаны сдать государству… - и он начал перечислять, что и сколько нужно сдать каждой семье.

- Нечего у меня сдать! Нечего! – уже в слезах объясняла ему Августа. – Сами, видите, как живем!

- Раз положено – значит выполняйте! – продолжал кричать уполномоченный – Что, значит, нечего?! Да я вас по суд отдам! – орал взбешенный уполномоченный.

- Ну, так что ж, отдавай! Только вот сначала детей хоть в детдом определите, я хоть знать буду, что они не на улице и сытые! – вдруг пошла внаступ осмелевшая Августа, видя, что уполномоченного уже ничем не убедить.

Она встала перед ним, глаза в глаза:

- А чего мне терять-то?! Взять с меня нечего! – храбрилась из последних сил Августа.

«Полумоченный» - так называли между собой в деревне этих уполномоченных, не ожидая такого поворота, рассвирепев, толкнул Августу в грудь. От такого удара, она в своих обледеневших лапоточках, которые еще не успели отойти от мороза, так и откатилась назад до стены по деревянному начисто выскобленному полу.

- Ты враг народа! – ткнул уполномоченный пальцем в Августу. – Ты у меня под суд пойдешь! – уже чуть не визжал от ярости представитель власти.

- Я враг?! – взбеленилась Августа. Это я-то?! Это я, у которой муж на фронте воюет! Это вот ты вражина! Воюешь вот тут с нами, с бабами, отбирая у нас последние крохи!

Уполномоченный видя, что эту спесивую бабу ничем не пронять, в сердцах махнул на нее рукой и пулей вылетел из дома.

Когда он ушел, Августе сделалось совсем плохо. Вроде бы совсем недавно такая смелая, храбрая и сильная с виду, она вдруг вся побелела и, чувствуя, что ноги совсем не держат ее, присела на лавку и заревела не в силах сдержать своих слез от обиды.

- Ой, Господи-и-и-и! Да за что нам все это-о-о-о?! – причитала она, схватившись руками за голову. У Августы так защемило сердце, что и дохнуть было нечем.

- Ой, ребятки, дайте мне попить! Что-то худо мне…

С кружкой воды детишки подскочили к матери, глядя на нее испуганными глазами. Августа окинула взглядом детей:

- Что ж это я делаю?! Ведь дети же у меня. Надо взять себя в руки, ведь мне их еще дальше растить надо! А так и умереть недолго, а куда тогда детишки-то мои?! По детским домам рассуют и все…

Сердце щемило, но Августа все же поднялась, подошла к окну. Дети, как цыпленки за наседкой, потянулись за ней, облепили ее со всех сторон. Она ласково взъерошила им вихрастые головы:

- Ничего, ничего! Все у нас будет хорошо! – успокаивала она детей, но больше саму себя.

Вдруг в окне она увидела, что из соседнего нюриного дома, все тот же уполномоченный, тащит из ограды за рога упиравшуюся козу. Потом из дома

за ним выскочила сама Нюра, на ходу накидывая на себя шаль. Она руками вцепилась в свою козу и тянула ее обратно. Нюра плачет, а мужчина что-то кричит ей, грозно размахивая руками, и тянет козу за собой.

Все же последнюю козу так и увел он у Нюры тогда, уходя вдаль по деревне. А Нюра вся в слезах ни с чем вернулась обратно домой – разве справишься с таким бугаем.

- Вот гад! – думала про себя Августа. – Нашел у кого отбирать! У Нюрки тоже единственная животина – вот эта коза и оставалась на дворе на троих детей.

Но все же потом козу уполномоченный вернул. Куда он с ней? В город, что ли на привязи за собой поведет?! Видимо, просто решил припугнуть нерадивую соседку, для порядку.

Августа присела тут же у окна на табурет, задумалась о чем-то о своем, потом вдруг опомнившись, спохватилась:

- Ой, ребятушки вы мои! Что ж это я?! Ведь я вас так и не покормила еще!.. Вот безголовая! Сейчас, сейчас! Садитесь, давайте, за стол.

Ребятишки послушно взгромоздились на лавки, что стояли по обе стороны стола. Августа проворно достала ухватом чугунок из печки. Налила «варево» в одну большую глиняную плошку и поставила на стол. Ребятня уже сидела за столом, «вооружившись» деревянными ложками.

- Ешьте! А то мне уже опять на ферму бежать пора!

Августа разрезала на всех детей поровну хлеба, точнее «оляпушек», так, наверное, в то время называли их, за то, что ляпали их – лепили из теста, замешанного из травяной муки, чуть-чуть, добавляя пшеничной. А травяную муку делали из сушеных листьев липы, рябины и головок клевера, истолченных в ступке. Вот и получался из такого теста хлеб не хлеб, а что-то подобие этого, на вид даже очень неприглядный – серый. Но это было все же лучше, чем совсем ничего. Как-то нужно было поднимать и растить четверых детей. Самой старшей дочери тогда было 11 лет, второй – 8, а сыновьям 5 и 3 года. Вот так и тянула Августа, как могла, делая еду практически из ничего. Да тогда в деревне все так жили, полегче было лишь тем, у кого во дворе была корова, все же молоко много значило.

Августа сидела и смотрела на детей. Как они за обе щеки уписывали похлебку.

- Проголодались! - думала Августа, глядя на ребятишек. - Вам бы сейчас сюда не эту баланду, а настоящий бы суп с мясом или хотя бы кашу! А что с этой баланды, лишь пузо набьешь, а проку никакого. - Да и хлебушка бы вам настоящего – из муки! – с горечью думала Августа, поглядывая на детей, а по ее щекам катились слезы.

Чего только не умудрялась готовить она, лишь бы только с голоду не умереть. Как-то однажды на скотном дворе лошадь заболела и в скорости скончалась. Ее, как и положено, увезли подальше от деревни в лес, там и

захоронили, чтобы не распространять заразу. Но не успело тело лошади стать прахом. Этой же ночью жители деревни вырыли ее и разделили поровну меж собой. Голод – не тетка, и даже такое мясо пошло на еду. На одной траве далеко не протянешь. И как-то тогда, просто чудом, никто не заболел. Собирали по весне на полях и гнилую картошку, что оставалась на полях. Сушили ее и делали из нее крахмал, правда, получался он грязно-серым, но все же на кисель как-никак годился.

Ой, да чего только не ели тогда, лишь бы с голоду не умереть. Варили болтушку из крапивы и свекольных листьев, ну и клали чуточку муки для забелки. А окрестили такой суп «болтушкой», наверное, потому так, что после того, как поешь такого супа, в животе начиналась настоящая «революция» - буль-буль-буль – урчало тогда в животе.

Все же мечты о том, чтобы когда-нибудь накормить детей настоящим хлебом, сбылись. По осени, когда уже урожай на полях был собран, по полю еще раз пустили ребятишек, чтобы они еще собрали оставшиеся колоски пшеницы, что не сжала косилка. Не пропадать же добру – решили на совместном колхозном собрании. Ребятишки, рассыпавшись стайкой по полю, собирали целый день в свои портяные котомки, висевшие через плечо, эти оставшиеся колоски. Из этих колосьев председатель разрешил смолоть муку и раздать ее колхозникам. Пусть досталось всем понемногу, но все же это было большой подмогой, так как килограмм муки тогда на базаре стоил 60 рублей. Поди наберись таких денег, чтобы прокормить семью!..

Августа сегодня с утра суетилась у печи. Сердце просто переполнялось радостью, когда она сегодня месила тесто из настоящей пшеничной муки и, когда садила в печь караваи и калачи. Калачи лепила специально для ребятишек, решила хоть немножко побаловать их, своих помощников. Они сегодня снова трудились в поле, опять собирали колоски. А сколько потом радости и восхищения было в глазах детей, когда они пришли с поля и ели сегодня настоящий хлеб, запах которого стоял на всю избу, который не забыть никогда.

Через некоторое время, действительно, Августе пришла повестка в суд. Хотя она думала, что все обойдется, ведь понимал же уполномоченный, что ей и детей-то практически нечем кормить, а не то, что продналог сдавать государству. Всю ночь Августа проплакала, думая о том, что будет с ее детьми, если ее, действительно, посадят.

А на следующее утро, собрав в кулак все свое мужество и решив – будь, что будет, коли судьбу не миновать, Августа собралась идти в город. Она думала, что уже не вернется обратно – посадят за неуплату налогов в тюрьму. Она разделила последний каравай на три части и сказала детям:

- Ну, что ж, если до вечера не вернусь – идите к бабушке. А потом за вами, если что, приедет машина, и вас отвезут в детский дом.

Ребята стояли молча, ничего не говорили, просто с горечью смотрели на мать, которую, может быть, они больше не увидят. Они даже не плакали, видимо мало, что понимая во всем случившемся, а возможно просто не верили, что их мама может не вернуться домой…

Поздно вечером Августа все же вернулась домой. Зашла в избу и в слезы:

- Сегодня отпустили! – объясняла она детям, - а потом, может быть, и заберут – не знаю… Я им все рассказала, что ничего у нас нет, и что отдавать на продналоги у нас нечего, может быть, поймут?!.

Поняли! Вскорости Августе пришла официальная бумага, где сообщалось, что она освобождается от продналога.

Но пришла беда – отворяй ворота! Одно за другим несчастья сваливались на Августу. В 44 году пришло ей извещение о том, что ее муж без вести пропал. Тогда у Августы даже слез не было, она просто молча сидела за столом и все глядела на это извещение. Даже не верилось, как может без вести пропасть человек – это же не иголка в стоге сена. С ним же все равно кто-то был рядом, воевал вместе. И как можно не заметить человека, куда он делся – этого она никак не могла понять… Что и делать сейчас, она просто не могла приложить ума. Ее последние надежды рушились одна за другой.

Как дальше одной воспитывать четверых ребятишек? Единственная надежная опора в семье был ее муж. Даже, когда приходили от него письма с фронта, она как будто снова оживала, снова радовалась и даже в эти тяжелые времена. Она жила лишь этой мечтой, что скоро кончится война, и Михаил вернется домой. И все у них опять будет хорошо. И по хозяйству поможет – все же мужчина, одной по хозяйству совсем тяжело - много не сделаешь. А он и крышу починит, да и ограда совсем покосилась – подправит. И вот на тебе… дождалась…

Днем Августа держалась – не плакала, чтобы дети не видели, а уж ночью, когда ребятишки засыпали, всю подушку слезами обливала. Все думала, что не может вот так просто потеряться человек, что Михаил просто где-то лежит в госпитале раненый и, что он обязательно вернется…

Каждый вечер она выходила на дорогу и долго стояла там в надежде, что вдруг увидит Михаила, что вот он идет, вернулся домой… Но тщетно, всегда возвращалась домой вся измученная пустыми ожиданиями. А потом каждый раз она снова садилась за стол и вновь и вновь перечитывала его «треугольники» - фронтовые письма. И в этот момент ей казалось, что Михаил живой и разговаривает с ней со страниц этих писем. Детишки в такие моменты усаживались с ней рядом и молча сидели, глядя на мать.

Долго она еще плакала, снова ходила на дорогу, а потом слезы, как будто высохли – даже слезинки не выдавишь, хотя вся душа просто разрывалась на части. Душа будто окаменела, Августа стала

неразговорчивой, редко когда улыбалась. Просто жила в какой-то пустоте, и работала, и делала все по дому только из-за того, что это было нужно. А так даже руки не поднимались, вообще ничего не хотелось делать, никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось разговаривать… Она как будто окаменела. Хотя временами думала, успокаивая себя, что она не одна такая, вон и соседкам тоже кому пришли похоронки, а кому и тоже извещения о без вести пропавшем. И пыталась жить дальше, хотя бы ради детей.

А тут на днях забежала соседка и сообщила Августе, что за погибшего мужа или без вести пропавшего детям полагается пособие.

И на следующий же день Августа пошла в военкомат за этим пособием. Военный комиссар, действительно, подтвердил, что на такого-то военнослужащего, то есть ее мужа, было извещение, как о без вести пропавшем. Но когда Августа упомянула о пособии, которое сейчас полагается ее детям, военком очень удивился:

- А вы кто ему будете? – спросил он тогда Августу.

- Как кто?! Жена!

- Жена?! – недоуменно смотрел на нее комиссар. – Так ведь у него жена в Кирове живет!

- Как в Кирове?! – обмерла Августа. А я тогда кто? – спрашивала она недоуменно комиссара.

- Вот это уже я не знаю?! Так написано в документах, а им я не могу не доверять!

Но потом, когда до конца разобрались, оказалось, что документы ее мужа просто перепутали с однофамильцем.

Все же Августа выхлопотала положенное пособие на детей. Все какая-никакая помощь! Где-то ребятишкам обновку справить, где-то продуктов подкупить.

И так Августа все-таки подняла одна четверых ребятишек, и слава Богу никто не умер, всех выучила. Выстояла Августа все свои жизненные трудности, как и не тяжела была ее жизнь!..

Военное детство мое

Война не обошла стороной и нашу семью. Хотя в 41 году мне было всего пять лет, но эти военные годы врезались в мою память навечно.

Конечно, бомбежек и страшных боев нам видеть не довелось. Но зато это время, когда повсюду бушевал голод просто не забыть. Сколько же мы тогда всякой травы переели даже и не упомнить. Вход шла и лебеда, и крапива, и подорожник, головки клевера и даже листья рябины и липы. Тогда из всего этого пекли хлеб, хотя это трудно назвать даже хлебом, большая часть его составляла истолченная трава в ступке и горстка муки. И был он серого цвета, но ели, что делать, другого хлеба тогда не было. Ели даже падшую скотину, и как-то никто не заболел тогда от этого. Даже по весне собирали гнилую картошку на полях, делали из нее крахмал и варили кисель. Хотя смертельные исходы и бывали порой от такой пищи. Умирали даже целыми семьями, поевши пищу из колосьев, собранных весной на полях, которые пролежали под снегом всю зиму, но в нашей деревне, к счастью, такого не было. Спасал тогда от голода свой огород, где выращивали разные овощи, и лес, где мы собирали грибы и ягоды.

Помнится, мать рано утром уходила на ферму. А нашей задачей было насобирать ягод и грибов. Грибы сушили на зиму, а ягоды уносили продавать на базар. Вот с утра наберешь 60 стаканов ягод, потом идешь на рынок – продашь их там, а на вырученные деньги мать покупала муку. В то время мука стоила очень дорого, поэтому приходилось собирать ягоды практически каждый день. Как тогда выжили в те годы, просто сейчас не укладывается даже в голове.

Вместе с голодом в деревни полез и тиф: и брюшной, и сыпной. Одна напасть за другой напастью просто. Нашу деревню пока эта «чума» обходила стороной.

Но вот однажды попросилась к нам в избу на ночлег бабуля, видимо из какой-то дальней деревни. Шла в город, да не управилась до светла, вот и свернула с тракта в близлежащую деревню переночевать. Мать постелила бабушке на печи. Поутру - старушка ушла. А у меня в этот день так разболелся бок, и мать посоветовала мне залезть погреться на печку. Я полежала на печи, но к вечеру мне стало еще хуже, поднялась температура. Сначала мама думала, что я просто простыла, и она, зная проверенный старинный метод, сделала мне на ночь винный компресс. Растерла меня всю, обмотала полотенцем и уложила спать. Утром, когда она сняла с меня это полотенце, оно все было усыпано вшами. Мама к вечеру снова сделала мне винный компресс, а утром опять та же история. На следующий день мне стало совсем плохо, по всему телу высыпала сыпь. Тогда-то уже мама и поняла, что у меня самый настоящий тиф. Она сходила, выпросила лошадь у председателя и меня увезли в город, в больницу. В больнице диагноз подтвердился.

- У вас сколько детей? – спросил тогда врач у матери.

- Четверо!

- Берегите остальных! – только, что и мог посоветовать он ей в этой ситуации.

Пролежала я тогда в больнице две недели. Болела очень тяжело, отнимались ноги, выпали волосы на голове. А от высокой температуры я так ослабла, что даже потом, когда меня привезли домой, я еле могла ходить по дому.

Только я приехала домой, следом за мной заболела тифом и старшая сестра. Она перенесла тиф еще тяжелее. Но все же двух остальных детей наша мама смогла уберечь от этой страшной болезни, применив для этого все народные средства, которые она знала. В нашей деревне переболели тифом только мы с сестрой, возможно заразившись от той старушки, что ночевала тогда у нас.

Голод в то время коснулся и не только людей, даже лесные жители прибегали в поисках пищи в деревню, видимо им там тоже есть было практически нечего. Помню, как однажды сидели мы все ребятишки у окна, поджидали мать с работы, а на улице такой мороз был, что даже мы не вылазили в этот день из дома, а сидели дома, обогреваясь у печки. И вот сидим мы у окна и вдруг видим, что по деревне бегут большие-большие белые собаки, это мы уже потом поняли, что это были волки. Тогда они почти всех собак в деревне переели, спаслись лишь те, кто подогадливее был. Завидев незнакомцев, собаки юркали в подворотню и сидели там, не издав ни звука. Этим и спаслись тогда, что успели спрятаться.

Вспоминается сейчас и то, как женщин из нашей деревни забирали рыть окопы под Ленинградом. Тех, у кого были дети – не забирали, а всех остальных, кто был уже старше 18 лет или был не замужем – бездетный или одинок, всех увезли. Сестра нашей мамы – тетя Наташа, как раз попала в этот список. Была она тогда еще не замужем, и детей не было. Через какое-то время ее с окопов привезли на санях, практически полуживую. Она так ослабла, что не могла даже ходить. Всей деревней тогда выхаживали ее, помогали, кто, чем мог. И ничего, ожила потихонечку, начала вставать с постели, а потом и потихонечку ходить.

Запомнился мне в те военные годы еще и такой случай. Мы, все ребятишки, сидели тогда дома, вдруг видим в окно, что по деревне идут два солдата в форме летчиков. Кожаные куртки, шлемы с очками, на ногах унты из собачьих шкур. В нашей деревне мы, конечно, никогда такого не видели, тем более людей в такой черной форме, поэтому мы решили, что это немцы. Мы быстренько занавесили все окна и замерли. Летчики подошли к дому, постучали в окно. Но мы сидим и молчим, как будто бы нас нет.

- Хозяюшка! – снова раздался стук в окно. – Это свои, свои, русские! Не бойтесь нас!

Мать, которая в это время возилась у печи, услышала чистую русскую речь, чуть-чуть приоткрыла занавеску. Увидев ее, летчики стали объяснять, что ищут дорогу на Лузино. Мать впустила их в дом, завидев нас, ребятишек, они сразу же угостили нас сахарком. А потом снова начали рассказывать матери о том, что ищут дорогу до Лузино. Помнится, что везли они тогда туда извещение родственникам о гибели их однополчанина. Они развернули карту на столе, в надежде, что мама покажет, где они приземлились и где находится то Лузино, в которое им дальше нужно было следовать. Мать объяснила им, что ничего в картах не понимает, и пошла за дедом. Пришел наш дедушка, но оказалось, что и он плохо разбирается в карте.

- Пойдемте на улицу, я лучше вам так объясню, как добраться до Лузино, - сказал тогда дед, разволновавшись, что ничем не может помочь летчикам. Они все дружно вышли на улицу и дед, размахивая руками, объяснял летчикам в какую сторону им нужно лететь.

Летчики, поблагодарили нас и, попрощавшись, направились к своему самолету, который посадили на поле. Но оказалось, что они забыли у нас дома свою логарифмическую линейку. Мы, что есть силы, бежали за ними вдогонку. Едва успели – самолет уже фырчал и готовился к взлету. Мы начали махать линейкой в руках, надеясь, что летчики увидят нас. Заметили! Винт остановился, машина заглохла и из самолета вылез один из летчиков.

- Ой, какие вы молодцы! – хвалил он нас за потерю, - эта линейка нам, ой, как нужна! Спасибо!

И на прощание он помахал нам рукой. Пропеллер снова взвизгнул, бешено закрутился и самолет, набрав высоту, полетел в ту сторону, куда показал наш дед. Нам казалось, что вместе с самолетом сейчас взлетим и мы – наши одежки напузырились, а шапки просто срывало с головы, что мы еле стояли на ногах от порыва ветра. Самолет улетал все дальше и дальше, а мы все стояли и смотрели ему в след. Еще бы, такое диво – самолет, в нашей деревне - было впервые!

Потом мы еще долго смеялись и вспоминали о том, как мы наших летчиков приняли за фашистов.

Но все же настоящих немцев мне довелось увидеть. Я тогда училась в школе. В первом классе. Была весна, за окном играло в лужах солнце, звенела капель. И вдруг мы видим в окно, как по нашей улице мимо школы ведут строем пленных немцев. Мы, конечно же, все повскакивали с мест, облепили окно, как мухи.

Вид у фашистов, по нашему пониманию самых страшных врагов, был куда затрапезный. Одеты они были кто во что. У кого-то на ногах вместо сапог были намотаны шали, кто-то был в шинели, кто и просто в гимнастерке, но весь укатанный платками, у кого-то тряпками были подвязаны подошвы разъехавшихся сапог. Кроме нас тогда на фашистов глазела вся улица – прохожие, которые случайно оказались в этот момент в этом месте. На

наших лицах и лицах прохожих тогда не было никакого сострадания к немцам, просто была замершая жгучая ненависть во взгляде за то, что всем нам пришлось пережить за время войны. В моей душе клокотало что-то подобное, не только злость и ненависть за наше тяжелое детство, но и за наших погибших на войне отцов и дедов.

Хотя мне тогда было всего девять лет, но я уже испытала очень многое: поняла, что такое вкус настоящего хлеба, что такое жизнь и что значит слово Родина!..

Знахарка

Никита только сегодня понял, как ему дорога жена. Это было то, что он сейчас боялся потерять в жизни больше всего… Может быть, такое состояние было у него сегодня из-за того, что он сидел у дверей операционной уже в течение нескольких часов, ожидая, когда, наконец-то, хоть кто-то оттуда появится, и хоть что-то скажет о Саше и как прошла операция. Да и какие прогнозы на будущее скажут о дальнейшем состоянии здоровья Саши.

Как медленно тянулись минуты ожидания, казалось, что время просто остановилось, и минутная стрелка на часах никак не могла сдвинуться с места, лишь превозмогая невесть какие усилия, она кое-как перепрыгивала через деления на часах. Каждая минута казалась просто вечностью.

- Почему так бывает, когда очень ждешь что-то, то время как бы замирает и тянется слишком долго? И наоборот, когда у тебя все хорошо, то время летит просто незаметно? – думал про себя Никита в эти трудные для него минуты ожидания.

Из операционной вышла сестра. Никита было поспешил к ней с расспросами, но та отмахиваясь в суматохе от него на ходу известила: «Все потом, потом! Операция еще незакончена. Ждите!

Никита снова вернулся на свое место еще в более удрученном состоянии.

- Наверное, все плохо, - думал он, - иначе бы уже все сказали, что и как? Сашка, милая моя Сашка, ты только не сдавайся! Ты же у меня сильная! Победи в себе этого кровожадного дракона – болезнь! А я все сделаю, все возможное для тебя, лишь бы ты снова была здорова! – в своих мыслях сейчас он обращался к жене.

- Что я и кто я без тебя?! Ты у меня одна такая! Больше таких нет! – думал он сейчас, еле сдерживая навернувшиеся слезы на глазах. Мужчины не плачут! – подбадривал он себя. Слезами горю не поможешь! Ей сейчас там куда хуже, а я тут разнюнился… Надо просто взять себя в руки и успокоиться. Все будет хорошо! Лучшие хирурги оперируют и они, я думаю, сделают все возможное, чтобы спасти Сашу от этого страшного недуга.

- Господи, ну почему так бывает? – продолжались его размышления. – Только вроде бы у нас все наладилось в жизни – и вот… - анализировал он в этот момент прожитую их десятилетнюю супружескую жизнь с Сашей. – Чего только не было в их семье за эти десять лет: и ругались, и расставались, и снова возвращались друг к другу, в желании начать жизнь заново.

- А если, что случится с Сашей, тогда я этого просто не переживу. Я останусь совсем один на этом белом свете… Ни родных, ни близких, ни настоящих друзей… Даже детей своих не нажили, хотели все пожить для себя пока молодые. А детей нарожать никогда не поздно! – так думали они с Сашей. И вот тебе случилось… Если даже сейчас Саша останется жива, сможет ли она иметь своих детей? – мысли Никиты перепрыгивали одна на

другую в этот момент. Он сидел и анализировал их совместную жизнь с Сашей.

- Какой я был идиот! И чего мне надо было?! – корил он себя. - Саша и красавица, и хозяйка отменная, да и в бизнесе у нее тоже все получалось!

- А что ж я это в прошедшем-то времени о ней так думаю, - ведь не умерла же она еще?! – спохватился он.

Никита встал и стал нервно прогуливаться вдоль больничного коридора, думал, что так лучше развеется, но мысли все равно снова и снова возвращали его в тот день, на тот берег моря, когда они решили съездить отдохнуть не по турпутевкам, а «дикарями», с палаткой, едой с костра, как в юности. А как все было хорошо, Саша с Никитой окунулись как будто в новую жизнь, создавалось такое впечатление, что у них начался новый медовый месяц. Такая любовь проснулась друг к другу… И вдруг в один из дней Саше стало плохо, она упала в обморок. Сначала Никита думал, что она просто перекупалась или перегрелась на солнце. Но когда все-таки пришлось вызвать за помощью скорую, и когда Саше в больнице сделали обследование. И этот страшный диагноз – опухоль головного мозга… Почему он тогда серьезно не отнесся к ее жалобам на головные боли. Он-то думал, что все это только из-за переутомления. Да и сама Саша даже не могла подумать в то время, что ее головные боли – это не просто усталость, а очень серьезная болезнь. Да и по врачам она очень не любила ходить, все списывала на занятость, что ей сейчас совсем не до врачей, что все пройдет постепенно – надо просто отдохнуть.

Никита снова посмотрел на двери операционной, на часы… Уже больше трех часов длилась операция и пока полная неизвестность, что и как там с его женой.

Никите было и самому странно, но почему-то сейчас в мыслях, пока продолжалась операция, он вновь и вновь возвращался к тем счастливым дням, которые они провели вместе на море. За эту неделю, что они прожили там, они с женой как будто бы заново узнали друг друга. Почему-то было такое ощущение, что они только-только познакомились. И он, как влюбленный по уши пацан, ухаживал за ней так красиво. Каждое утро он дарил Саше цветы, которые покупал на близлежащем от пляжа рынке. И Саша просыпалась вся усыпанная цветами. А еще Никита просто задарил ее всевозможными подарками. Саша была просто на седьмом небе от счастья. А вечером они, как вновь испеченная влюбленная пара, шли в прибрежный ресторан. Он давно не слышал такого радостного смеха Саши, а в ее глазах было столько счастья. Да и Никита просто не узнавал сам себя. Почему такого не было раньше, ведь вместе они уже десять лет, а тут на море как будто другими глазами взглянули друг на друга.

- Какая у меня замечательная жена! Почему я раньше этого не замечал?! – думал он тогда, глядя на свою жену, искрившуюся от любви и счастья.

Саша стала такой обаятельной, привлекательной и манящей к себе какой-то необъяснимой силой. Может быть от того, что она здесь была не обременена домашними хлопотами и делами в своей фирме. Никита эту неделю просто утопал в любви и ласках Саши, таких горячих поцелуев он давно уже не видел от своей жены. И он так же одаривал жену таким вниманием и ласками, что Саша просто не узнавала своего мужа.

Никита очнулся от своих мыслей. Снова взглянул на двери операционной, но опять никого не было… Как ему в эти минуты хотелось находиться рядом с Сашей и хоть чем-то помочь ей. Но чем? Он же не врач и ничего не понимает в этом, и все нюансы этой профессии. И он терпеливо продолжал ждать…

- Эх, Саша, милая моя Саша! Как жаль, что все так случилось. Он сейчас готов был сделать все для нее, лишь бы она выздоровела, и просто ни на минуту бы не отходил от нее. И Никите сейчас припомнилось, как раньше он придирался к жене по всяким пустякам: то не так приготовила, то рубашку погладила неправильно, то пуговицу не пришила, то поздно пришла с работы… Да чего только не было… И ведь ссорились, практически, по мелочам, и совсем из-за ничего. Зачем?! – думал он сейчас.

Двери операционной распахнулись. Никита тотчас же очнулся от дум. Он как ошпаренный вскочил, и ринулся навстречу к врачу.

- Ну как там Саша? Что вы скажете мне?

- Операция прошла успешно! Но положение дел, конечно, не радует… Все будет зависеть сейчас только от ее организма и ее настроя на дальнейшую жизнь. Сейчас ей будет нужна длительная реабилитация и полный уход, и никаких волнений. Ситуация, конечно, скажу вам прямо, не очень утешительная. Какое-то время ваша жена не сможет даже ходить, поэтому сразу настройте себя, что будет нелегко, но я думаю, что вы справитесь с этой задачей. Нужно будет регулярно делать массажи и всевозможные занятия с ней. Просто опухоль была очень обширной, поэтому восстанавливаться придется длительное время. Но одно утешительное могу сказать для вас лишь то, что опухоль была незлокачественной. Прогнозы пока неутешительные, но главное сейчас для вашей жены – это ваша забота, внимание и любовь. А любовь, как вы знаете – исцеляет все!.. Главное не теряйте надежды!..

- Я сделаю для нее все, что будет нужно! Лишь бы она только поправилась!

- Обязательно поправится! В моей практике были случаи и по - серьезнее, но люди выздоравливали!.. И вы верьте, что ваша жена обязательно выздоровеет!..

- А я могу сейчас пройти к жене? - Никите просто не терпелось снова увидеть Сашу и просто помочь ей хоть чем-то, ведь она так настрадалась.

Сашу провезли на каталке из операционной мимо него в реанимационную палату. Никита только успел увидеть ее бледное осунувшееся лицо.

- Нет, сейчас к ней нельзя! Нужно проделать еще кое-какие послеоперационные процедуры. А вам я советую поехать домой и отдохнуть, вам еще, ой, как много сил потребуется! А вот завтра утром приходите. Я даже разрешу вам посидеть с женой, но все будет зависеть от того, как она себя будет чувствовать.

- Может быть, я чем-то могу помочь вам?

- Нет, сегодня ваша помощь не потребуется. За ней будут присматривать медсестры. А вот завтра, пожалуйста, приходите.

- Какой тут отдых?! Какой тут сон?! Единственное, что сейчас хотелось Никите – это быть рядом с женой. Домой он не поехал, а зашел в кафе, находящееся поблизости от больницы, чтобы немного перекусить, но смог выпить лишь чашечку кофе и не больше. Потом он зашел в цветочный магазин и купил букет белых лилий для Саши – она просто обожала эти цветы.

Домой, вообще не хотелось – один в пустой квартире. Никита решил просто проехаться на машине по городу и зайти в какой-нибудь парк, посидеть там, и немного развеяться от негативных мыслей, что роились сейчас в его голове.

Заехав в парк, Никита пробыл там практически до сумерек. Прогуливался по парку, покормил уток на пруду, пробовал отвлечься от своих мыслей, но сегодня его ничего не радовало, мир стал просто пустым, безликим. И все же пора ехать домой, чтобы немного отдохнуть и хотя бы попытаться уснуть… А завтра он увидится с Сашей… Только эта мысль успокаивала его.

На следующее утро чуть свет, Никита был уже на ногах. Он поспешно заехал в магазин, чтобы купить жене фруктов, прихватил с собой букет лилий, которые купил еще вчера и поспешил в больницу.

Накинув белый халат и, надев бахилы, Никита первым делом наведался к лечащему врачу Саши. Пока шел в больницу, вроде бы столько всего хотелось спросить у врача, но зайдя в его кабинет, он лишь спросил:

- Ну как моя жена? С ней все хорошо?

На что врач ему говорил то же самое, что он уже слышал вчера от него. Что ему сейчас придется очень сложно, нужен очень хороший уход за женой, что возможно потребуется повторная операция, все будет зависеть от организма Саши, как он справится с недугом после сложной операции.

Никита лишь ответил врачу, что он сделает все, что потребуется для лечения его жены. Что он не пожалеет никаких средств - лишь бы его жена была здорова.

Потом он прошел в палату к Саше. Саша еще спала, и он не стал ее тревожить. Попросил у медсестер вазу для цветов и поставил в нее букет лилий на тумбочку возле кровати жены. А сам тихонечко уселся рядом с Сашей. Он просто сидел и молча глядел на жену, боясь даже притронуться к ней, чтобы не побеспокоить ее сон. Хотя ему так хотелось обнять и прижать к себе Сашу. Прошел всего один день, а он так соскучился по ней, как будто бы не видел ее целую вечность.

Через какое-то время Саша открыла глаза и сначала пристально осмотрела палату, в которой находилась.

- Сашенька, дорогая моя!.. Как ты себя чувствуешь? – и Никита в этот момент взял жену за руку и гладил ее с такой нежностью.

- Ты только много не говори, врачи сказали, что тебе пока нельзя много разговаривать. Я все пойму по твоим глазам! – Скажи, что ты хочешь сейчас? Хочешь что-нибудь покушать? Я принес твои любимые конфеты и фрукты разные есть. Вот и твои любимые лилии!

Саша взглянула на тумбочку, где стояли снежно-белые лилии. Улыбнулась и с такой нежностью и радостью посмотрела на Никиту, в знак благодарности за его хлопоты и заботу о ней.

- Спасибо, родной, за прекрасные цветы!- почти шепотом проговорила она. – Что там врачи говорят, что дальше ожидает меня?

- Ты, главное не волнуйся! Все будет хорошо!

- Но я не чувствую своих ног! Это я останусь такой навсегда? – спрашивала сквозь слезы Саша у Никиты.

- Что ты, что ты! Это временно! Ты снова будешь ходить, и все у нас будет прекрасно, даже еще лучше! Я сделаю все, что будет нужно, лишь бы ты выздоровела! Ведь я же тебя так люблю! Ты у меня самая лучшая женщина в мире! И запомни это! Я помогу тебе во всем и всегда буду рядом с тобой!

- А как же наш холдинг? Кто сейчас будет вести наши дела, если ты постоянно будешь со мной! – спросила Саша в отчаянии, потому что их совместный бизнес с мужем – это был единственный и очень хороший доход в семье.

- Об этом ты даже и не переживай! Я на время назначил нашего зама, моего друга Сережку. Он обязательно справится со всем! А потом мы снова вместе будем продолжать наше дело!

- Но он же не знает иностранных языков, как он будет заключать контракты с зарубежными партнерами? – терзала себя Саша.

- Ничего страшного мы наймем переводчика! И делов-то! Ты об этом даже не переживай! - успокаивал ее Никита.

Да, Саша была просто незаменимым сотрудником в их компании, она закончила иняз с красным дипломом и была просто настоящая умница. Она могла свободно разговаривать как на английском, так и на немецком языках, немного владела китайским, и японским. Кстати, там в МГУ, куда тоже поступил Никита, но на другой факультет и познакомились они, сразу же на первом курсе и больше не расставались никогда. И ему вдруг припомнились те дни, когда он – деревенский мальчишка, приехал покорять Москву. Когда поступал в МГУ, просто решил, если не поступит, то уедет обратно в деревню. И в деревне жить можно, там работы хватит на всех. Но он прекрасно сдал все экзамены, а потом учеба с таким интересом затянула его и в деревню возвращаться уже совсем не хотелось. Уже тогда, еще учась в университете, он придумал свой будущий бизнес. И когда закончил МГУ, начал работать над своей идеей. Лучшей помощницы в этом деле ему было просто не найти, чем Саша в то время. С Сашей они тогда уже поженились, сразу же после окончания университета. Могли бы и раньше сыграть свадьбу, но Саша тогда сразу сказала, что никакой свадьбы, пока не закончим университет.

Саша владела несколькими языками и была просто умница. Она очень хорошо могла увлечь нашими новыми предложениями компании практически любых партнеров. Сначала это были просто Российские партнеры, а потом холдинг стал разрастаться, и они решили замахнуться и на сотрудничество и с зарубежными компаниями.

- Да, - думал сейчас Никита, - а ведь начали практически с самого нуля, взяли на первое время инвестиции, чтобы начать работать, а дальше казалось все пошло, как по маслу. Компания разрасталась, и все больше приносила дохода. Все их время практически занимала работа, дома они появлялись уже запоздно. Все хотелось по - больше заработать, построить свой коттедж, купить крутую иномарку и даже яхту. Поэтому и решили пока не заводить детей. С детьми много не наработаешь! И Никита в то время соглашался с Сашей.

- Еще молодые, - думал он тогда, - успеем еще, нарожаем детей. Вот сами на ноги встанем, тогда уже будем думать и о детях!

- Никита, а как долго я не смогу ходить? – вдруг прервал его воспоминания вопрос жены.

- Ну, как врачи сказали, что это все будет зависеть от твоего организма и желания снова стать здоровым полноценным человеком. Главное, нужно очень захотеть этого! Так сказали врачи!

- Я буду делать все, чтобы поскорее встать на ноги! – сразу же с энтузиазмом проговорила Саша.

- Ну, вот и прекрасно! А я тебе помогу, всем, чтобы это случилось! Но ты, миленькая, пока много не разговаривай. Врачи сказали, что тебе нужно силы беречь. Хочешь поспать – поспи, я буду рядом. Я уже договорился с

врачами, и они разрешили мне даже ночью находиться рядом с тобой. А совсем скоро тебя переведут в отдельную палату, и мы будем все время вместе, тебе никто не будет мешать и беспокоить! А сейчас поспи, я просто посижу с тобой! Тебе сейчас нужно набираться сил!

- Хорошо! – ответила Саша, - через какое-то время она заснула.

Никита даже боялся лишний раз встать или повернуться на стуле, лишь бы не потревожить сон жены. Когда Саша просыпалась, Никита даже сам кормил ее, медсестры лишь заходили, чтобы поменять капельницы или сделать процедуры, которые назначил врач. И так каждый день…

С того времени, как Саше сделали операцию, прошло уже два месяца, но ноги у нее так и оставались неподвижными. Никита, старался, как мог, чтобы Саша не залеживалась, садил ее на кресло – каталку и вывозил на улицу подышать свежим воздухом, прогуливаясь по больничным аллеям. Иногда наступало отчаяние, и уже не верилось, что Саша снова сможет ходить.

И вот в один из дней он снова зашел на беседу к лечащему врачу. Никита уже был в полном разочаровании. Он уже не знал, как еще можно помочь жене. И тут врач сказал Никите, что нужна повторная операция, но для этого им нужно поехать в Германию в реабилитационный центр. С врачами в Германии он договорится сам, но для этого нужна крупная сумма денег, чтобы оплатить дальнейшее лечение его жены там. И врач написал на бумаге сумму, которую необходимо заплатить, чтобы пройти курс лечения в Германии. Сумма оказалась с шестью нолями, а точнее – это лечение в лучшей клинике Германии стоило больше двух миллионов рублей…

- Это самая лучшая клиника, из которых я знаю, где работают лучшие нейрохирурги! – объяснял лечащий врач Никите.

Никита, съездил в свой холдинг, предупредил всех сотрудников, что на время ему придется уехать вместе с женой в Германию, для продолжения лечения Саши. Снял необходимые деньги со счета компании. А с его заместителем Сергеем поговорил отдельно и попросил, чтобы он еще и дальше продолжал заниматься делами фирмы. Сергей не отказался, но начал жаловаться, что дела фирмы идут совсем плохо, многие зарубежные партнеры отказались сотрудничать с ними. Они привыкли заключать сделки, когда им все выгоды вложения их инвестиций в их компанию очень доходчиво объясняла Саша. Она рассказывала обо всех новых бизнес - проектах и бизнес - планах. А сейчас, видимо, новая переводчица, которую взяли в фирму, могла лишь только донести до сведения партнеров всю информацию, но вот так же рассказать и убедить партнеров, насколько им будет выгодно участвовать в каком-либо проекте, она не могла.

- Серега, да ты не переживай, все у нас скоро наладится! Вот Саша выздоровеет и снова за работу нашей дружной слаженной командой!.. – подбадривал его Никита.

Уже через неделю Никита с Сашей были в реабилитационном центре нейрохирургии в Германии. Повторная операция и у Никиты снова появилась надежда на выздоровление жены. Ведь лечащий врач Саши в России, так расхваливал эту клинику. И, действительно, через какое-то время, пройдя всевозможные курсы лечения: массажи, иглоукалывания, индивидуальные занятия с врачом ЛФК, который взялся заново учить ходить Сашу, жена стала ему говорить, что она начала чувствовать свои ноги, что они у нее есть. Стала чувствовать прикосновения к ним, стали потихонечку шевелиться пальцы на ногах, хотя все это сопровождалось ужасной болью, но Саша мужественно терпела все. Ей так хотелось снова ходить самой. Ее упорству в этом можно было позавидовать. С каким великим терпением она послушно выполняла все, что говорили ей врачи. Уже через какое-то время Саша могла тихонечко ходить, опираясь на костыли. Но ноги все равно не слушались, заплетались одна за другую, и иногда Саша падала, если Никита не успевал подбежать к ней. В такие моменты она в полном отчаянии просто плакала, лежа на полу. Никита поднимал ее на руки, укладывал на койку. И снова долгие часы успокаивал ее, что осталось совсем немного потерпеть, и что она самостоятельно будет ходить, как и раньше. Хотя уже и сам тоже измучался в надежде на полное выздоровление жены.

- Неужели вот она, такая молодая и красивая на всю жизнь останется в инвалидном кресле? – этот вопрос так мучил Никиту. Иногда совсем уже опускались руки, но глядя на жену, как она из всех сил старается преодолеть свой недуг, он снова с той же верой и надеждой, что все у них получится, продолжал помогать жене.

Курс лечения в Германии подходил к концу, но Саша так и не смогла полностью встать на ноги, лишь только еле передвигалась на костылях.

- Я бы посоветовал вам вместе с женой уехать жить куда-то поближе к природе. Свежий воздух и единение с природой очень хорошо помогает восстановить силы. Подумайте о моем предложении! – советовал тогда лечащий врач лучшей клиники в Германии.

Никита долго думал, как же ему поступить в этой ситуации. Ведь, если они уедут из города, то их бизнесу просто конец!.. На что тогда жить и существовать они будут с женой. А поближе к природе, так это можно уехать к нему в деревню. Дом, где он жил там, уже несколько лет пустовал – мама умерла, когда Никита еще учился в МГУ, сердце у нее было слабое. И в один из дней, очередной инфаркт она уже не смогла пережить. Так и остался дом, после похорон матери пустовать. Никита и ездил туда очень редко. Лишь проведать могилку матери и на часок-другой забежать домой, чтобы посмотреть все ли в порядке с домом. А дом у них был очень большой и красивый, кругом цвели яблони, вишни и цветы, которые так любила мама. И это был сейчас единственный вариант у Никиты, куда можно было уехать с женой, чтобы быть ближе к природе. И воздух у нас в деревне чистый,

свежий, кругом леса, речка, пруд, где, когда-то с мальчишками купались и удили рыбу. Да и люди в деревне все знакомые, с пеленок знают его. А Саша со временем тоже со всеми признакомится, если захочет.

После долгих размышлений Никита все же решил, что шут с ним с бизнесом, не в деньгах счастье, жену нужно вылечить – это самое главное! Холдинг он решил оставить своему другу Сергею. Московскую квартиру решил продать и на эти деньги пока жить с Сашей в деревне. Машину пока решил не продавать, она еще нужна, чтобы возить жену на консультации к врачу. Единственное, что его беспокоило, так это Саша. Она же коренная москвичка, сможет ли она привыкнуть к деревенской жизни вдали от цивилизации?..

Приехав в Москву, после длительных бесед и уговоров, Саша все-таки согласилась переехать жить в деревню, хотя для нее это было непростым решением.

Продав квартиру, Никита загрузил все необходимые вещи в багажник, и они с Сашей поехали к нему в деревню. Остальные вещи: мебель, посуду и весь остальной скарб – бытовую технику, компьютеры и ноутбуки он отправил на машине, заказав ее на сайте грузоперевозок.

К вечеру Никита с женой добрались до деревни. Подъехав к своему дому, у Никиты даже защемило сердце – вспомнились те годы, которые он провел здесь и свою маму – очень кроткую и доброжелательную женщину. Он открыл дверь дома, дверь скрипнула с какой-то радостью, что наконец-то дождалась хоть кого-то, и что дом сейчас не будет томиться в одиночестве. Потом Никита на руках занес жену в дом, уложил ее на свою кровать, а сам начал разгружать вещи из багажника.

- Сашуль, дорогая, ты пока побудь здесь, а я сейчас мигом сбегаю баньку затоплю – помоемся с дороги в настоящей русской баньке! – с радостным тоном в голосе сказал он жене.

Только он затопил баню, вдруг тут как тут на пороге появилась его соседка тетя Паша.

- Ой, Никита что ли?! А я-то думала, кто чужой залез к вам баньку-то помыться, вот и пришла проведать!

- Да, теть Паш, я!

- Ты погостить сюда или как?

- Или как, теть Паш! Пока не знаю насколько, но мы с моей женой пока поживем здесь! Ей врачи посоветовали пожить поближе к природе.

- А что случилось-то с женой?

- Теть Паш, у нее была очень тяжелая операция, лечение в клинике в Германии и вот там врачи и посоветовали нам пожить где-то вблизи с природой, что это жене пойдет только на пользу. Теть Паш, у меня к вам одна просьба, о болезни с Сашей, пожалуйста, ни слова. Не надо ей лишний раз напоминать об этом. Хорошо?

- Конечно, конечно, о чем ты говоришь. Буду молчать, как рыба. Ты меня познакомишь с ней?

- Ну, конечно, мы же сейчас соседи!

- Ну, вот, а я вам и медку к чаю принесу, после баньки и попьете!

- Хорошо, теть Паш!

Соседка довольная убежала к себе, радовалась, что сейчас рядом есть люди и можно пообщаться между делом, как и раньше с матерью Никиты. Они очень дружили тогда и всегда помогали друг другу кто, чем мог.

Только Никита вернулись из бани с женой. Тут как тут на пороге появилась тетя Паша с баночкой меда в руках.

- Ну, с легким паром! Вот и медок к чаю вам. Мед – это лучшее лекарство от всех болезней! – объявила она. – А вот вам еще и яблочков свеженьких принесла, кушайте на здоровье! А я пойду, не буду вам мешать. С дороги вам отдохнуть нужно. А завтра утром я вам принесу парного козьего молочка. Оно целебное, очень помогает восстановить силы!

- Теть Паш, ну зачем такие хлопоты? – смущенно отреагировал на ее заботу о них Никита.

- Да какие хлопоты, мне это только в радость! Мне одной-то много ли надо! А вы кушайте и поправляйтесь!

- Ну, спасибо, тетя Паша! А, может, и вы с нами чаю попьете?

- Нет, нет, я побегу, тут сериал начинается, я хочу досмотреть. Уж больно интересно сняли кино-то. Я завтра утречком к вам забегу! – и соседка быстренько ушла домой, не желая нам мешать освоиться на новом месте.

Саша удивленно спросила у Никиты: «У вас в деревне все такие заботливые?!»

- Нет, конечно, - ответил он ей, - это у нас тетя Паша такая особенная, она всем готова помочь, если нужна какая-то помощь. Она всегда такой была. За это ее и любят и уважают в деревне все. Что случится у кого, сразу к ней за советом, она плохого не пожелает.

После русской баньки, да чая с медом, сразу захотелось побыстрее улечься в постель. Никита перенес жену на кровать и сам лег рядышком с ней. Они даже и не заметили, как заснули. Проснулись уже утром, когда солнце ослепительно заглядывало через окна в дом.

Никита подошел к окну, и с умилением глядел на деревенские просторы, залитые утренним солнцем.

- Красота-то какая! Кругом тишина и покой! А вокруг по всей деревне полыхали желто-красные клены, листья рябины и золотистый наряд берез все это радовало глаз. Смотрел, как на живую картину художника – природы.

- Сашка, подъем! Посмотри, красота-то какая вокруг! Он подошел к кровати, подхватил жену на руки и поднес к окну, чтобы и она полюбовалась красотой деревенского утра. Где-то вдали раздавалось мычание коров, а

рядом на заборе красавец петух тети Паши что есть силы, голосил свое громогласное ку-ка-ре-ку!

- И, правда, очень здорово! Да ты посади меня! Тяжело же на руках держать!

- Своя ноша не тянет! – улыбнувшись жене, сказал Никита. – Ну, давай, сейчас умываемся, завтракаем и едем гулять. Буду показывать тебе все красоты и достопримечательности нашей местности.

Никита выбежал с ведром за водой к колодцу и заметил, что на пороге уже стоит баночка молока.

- Ну, тетя Паша! Уже успела подоила! И от такой заботы, на сердце у Никиты стало так тепло.

Позавтракав, Никита усадил жену в кресло - каталку и они выехали на улицу. Проходя мимо соседского дома, завидев тетю Пашу во дворе, он крикнул ей через забор: «Теть Паш, спасибо за молоко! Очень вкусное!

- На здоровьице, на здоровьице, мои хорошие! Гулять пошли? Ну-ну, идите, гуляйте, подышите свежим воздухом!

Никита решил идти не по самой деревне, а свернул вместе с Сашей за лужки. Он решил, что Саше пока нужно привыкнуть к деревне, а потом уже знакомится с ее жителями. Да и просто не хотелось лишних вопросов. Саше сейчас ни к чему были лишние переживания. Нужно было отвлекать ее от мыслей о своей болезни.

Они гуляли долго по проселочной дороге, что тянулась вдоль поля и уводила за собой прямо в осенний лес. Никита давно не видел столько радости и восхищения в глазах его жены. Они дурачились, как дети. Никита срывал и дарил ей целыми охапками полевые цветы, от которых шел такой дурманящий запах. То с головы до ног осыпал ее осеннею листвой. И они оба смеялись и радовались таким переменам в их жизни.

Вернувшись домой, Никита уложил жену на кровать отдохнуть, а сам решил приготовить обед. А тут и тетя Паша снова на пороге, как будто то и делала, что ждала, когда они вернутся с прогулки.

- Ой, ребятки, я вам тут яиц свеженьких деревенских принесла – это не то, что в магазине продают. Они у нас натуральные, без всяких добавок! И для здоровья опять польза. А вот еще помидорчики и огурчики соленые, свои с огорода выращенные. Они гораздо вкуснее, чем в магазине. Ну как погуляли?

- Теть Паш, погуляли мы просто замечательно! А вот это все ни к чему! – стесняясь принять ее угощения, сказал Никита.

- Вы, давайте, не стесняйтесь, а кушайте на здоровье. Мне одной-то куда? А тут, глядишь, хоть вас побалую домашними натуральными продуктами.

- Ну, спасибо, теть Паш! А, может, с нами и отобедаете?

- Да, нет, я пойду! У меня еще дел много! Вот варенье собралась варить, надо яблоки пока помыть, да приготовить.

- Ну, тогда вечером заходите к нам на чай, будем очень рады! – сказал ей Никита.

Тетя Паша ушла, а он решил приготовить яичницу и угостить Сашу принесенными дарами соседки. Когда все было готово, он усадил жену за стол: «Ну, давай, будем кушать деревенскую натуральную пищу! Чувствуешь, какой аромат стоит по всему дому, вот что значит натуральная еда!

- Да, действительно, с этим не поспоришь! – улыбнувшись, ответила ему Саша.

И они с таким аппетитом уплетали деревенскую пищу.

- А вечером, я сварю свежей картошечки с укропом, хочешь? – обратился он к жене.

- Никит, ты со мной, как с маленьким ребенком возишься! Ты еще не устал вот так со мной? – с чувством какой-то вины спрашивала его жена.

- Это что за настроение?! Саша, пойми, твое состояние – это временно! Скоро ты все сможешь делать все сама и как захочешь, а пока я все заботы взял на себя, и я думаю, что это ненадолго! Так что успокойся на этот счет!

- А сейчас тебе нужно отдохнуть, моя дорогая! А вечером мы с тобой снова будет продолжать наши занятия. Не надо останавливаться на достигнутом, нужно идти вперед! И каких бы усилий нам это не стоило - мы победим! Правильно я говорю? – с воодушевлением проговорил Никита, обращаясь к жене.

- Да, конечно! Ты прав! Если чего-то очень хочешь, то оно обязательно получится! – ответила Саша.

Никита уложил жену в кровать отдохнуть, а сам занялся домашними хлопотами. Нужно было починить калитку во дворе, а то она совсем расшаталась, того и гляди совсем развалится.

Никита нашел в сарае нужный инструмент и занялся ремонтом калитки.

- А потом нужно еще и крышу немного подлатать, - думал он о дальнейшей работе, которую нужно было сделать. Да и дров нужно на зиму приготовить, все-таки это не город, здесь нужно топить печку.

- Надо тетю Пашу спросить, где можно здесь купить дрова, - подумал он, - уж она-то тут все знает!

Подремонтировав калитку, Никита не откладывая дела на потом, решил сразу сходить к соседке и спросить, где можно заказать дрова.

Тетя Паша, как всегда возилась с заготовками на зиму, занималась соленьями. Она, как и раньше, не могла просто так сидеть без дела, все время чем-то занималась. Как она говорила всегда: «Дом не велик, да лежать не велит!»

- Теть Паш, я к вам по делу, - выпалил он прямо с порога.

- Ой, Никитушка, заходи, заходи! Что у тебя за дела такие? Садись, рассказывай.

- Да вот, теть Паш, нужно нам на зиму где-то дров заказать. Это к кому нужно обратиться?

- Так, это милый, к председателю колхоза тебе нужно сходить, у него и закажешь, сколько тебе нужно!

- А еще я хотел спросить у вас, можно ли у вас картошечки купить, у нас пока своей нет.

- Ой, вот придумал-то чего? Купить?.. Да, я и просто так вам дам, сколько вам нужно будет! – удивилась соседка его вопросу. Вот и помидорчиков и огурчиков тоже дам. Вон сколько нынче всего наросло. Куда мне одной столько?!

- Ну, теть Паш, тогда огромное спасибо! Вы так о нас заботитесь, как о своих родных! – смущенно проговорил Никита.

- Да, что ж ты, Никита, такое говоришь?! Разве ты чужой? Я ж тебя с пеленок знаю, вместе с моим Ванькой выросли! Так какие же вы мне чужие?!

Тетя Паша засуетилась, по-быстрому набрала в корзинку и картошки, и всяких разных разносолов.

- Может, еще яблочков вам дать? – заботливо спросила она.

- Нет, яблоков у нас своих много. Еще мать с отцом садили эти яблони, а они до сих пор плодоносят.

- Теть Паш, я тогда побегу, а то мне еще нужно ужин приготовить. А вы приходите к нам вечерочком на чай, вот и познакомитесь поближе с моей женой.

- Ладно, ладно, обязательно зайду! Посидим, поговорим!

Когда Никита вернулся домой, Саша уже проснулась.

- Ну как отдохнула? – спросил ее Никита.

- Очень хорошо! На свежем воздухе так хорошо спится! И сон видела какой-то очень хороший, до сих пор на душе так тепло и приятно, но вот, что видела, даже не могу вспомнить.

- Тогда встаем, пьем чай и начинаем заниматься ходьбой! Ты согласна? – спросил жену Никита.

- Да, конечно! Нужно обязательно продолжать занятия, как бы тяжело это не было! – соглашалась с ним Саша.

- Ну, вот подзаправились, а сейчас за дело! – командовал Никита.

Никита принес костыли, и они вместе с женой начали дальнейшее обучение ходьбе. Никита сзади подстраховывал Сашу, чтобы она не упала. И целый час они пытались ходить по комнате туда и обратно. Саша еле переставляла ноги, они то и дело заплетались друг за друга, особенно тогда, когда нужно было развернуться.

- Ничего, ничего, Сашуль, все хорошо! Вот так будем каждый день тренироваться, и все будет тип топ! – успокаивал он жену.

- Все, я устала. Больше не могу! – сказала жена, глядя на него измученными глазами.

- Ну, значит, на сегодня все! Оставим занятия на завтра! Ты тогда пока отдыхай, а я приготовлю ужин. Свежую картошечку с укропом, помнишь, обещал сделать?!

- Хорошо! – согласилась с ним жена.

Никита уселся чистить картошку и тут заходит тетя Паша.

- Что ужин готовишь? – начала она с порога с вопросами. - А я вот освободилась пораньше и дай, думаю, схожу к вам. Я вам к чаю варенья вишневого принесла, да пирог вот капустный испекла. Помню, Никита, что пироги с капустой у тебя самые любимые были, когда еще жива была твоя мама.

- Вы даже это помните?! – удивился Никита

- Да я много чего помню и знаю! – шутливо подмигнула ему соседка. – Давай, помогу тебе с ужином. Ты пока картошку готовишь, а я салатик нашинкую. Глядишь, так быстрее у нас получится!

И, правда, вдвоем с тетей Пашей, они приготовили ужин гораздо быстрее. Потом все угощения поставили на стол в комнате, согрели чай и стали присаживаться к столу. Никита вынес Сашу на руках из спальни и тоже усадил за стол.

Когда тетя Паша увидела такую картину, в ее глазах отразилась такая жалость, аж слезы навернулись на глаза. Но она сумела справиться с этим чувством, и как бы ничего не заметив, первая начала беседу.

- Здравствуй, Сашенька! Ну, вот давай и познакомимся, а то как-никак соседками сейчас приходимся друг другу! Я тетя Паша, давнишняя подруга мамы Никиты и ее соседка.

- Здравствуйте, тетя Паша! Да мне Никита уже все уши прожужжал про вас! У него на языке только и разговоров, как о вас, какая вы хорошая женщина! – приветливо начала беседу Саша.

- Ну, хорошая или плохая я – это людям судить! А у меня по жизни просто одно правило: «Если не можешь сделать ничего хорошего, просто не делай ничего плохого никому, вот и все!» Так и живу вот всю жизнь.

- Значит, правильно живете, теть Паш, если вас вся деревня уважает! – сделал свое заключение Никита.

- Надолго ли к нам пожаловали? – продолжала тетя Паша разговор.

- Пока не знаю?! – ответил ей Никита.

- Да, нет, наверное, ненадолго! Вот поправлюсь и обратно в Москву! Любимая работа ждет! – высказалась Саша.

- Понятно! Обязательно поправишься, обязательно! – говорила ей тетя Паша. Надо только верить в это и очень сильно захотеть, тогда обязательно все получится! Здесь у нас на свежем-то воздухе, да на натуральных продуктах – без нитратов и пестицидов этих, быстро на поправку пойдешь!

- А вот вы гулять ездите, вы не просто гуляйте, а зайдите в лесок, да найдите там каждый для себя деревце. Которое, как вам покажется, «поманит» к себе, к нему и вставайте, прислонитесь к нему, обнимите и попросите, чтобы оно вам здоровья дало! Деревья силы дают! Это нас еще давно-давно знахарка наша из соседней деревни научила. Она много чего нам рассказывала. Вот я, как пойду в лес, обязательно с каким-нибудь деревцем «пообнимаюсь». Не знаю, как это деревья делают, но сила, правда, появляется!

- Хорошо, теть Паш, обязательно попробуем «пообниматься» с деревьями! – согласился с ней Никита, зная, что тетя Паша плохого не посоветует.

Беседа за ужином продолжилась, говорили обо всем: вспомнили и прошлое, как мы все дружно жили тогда, когда еще жива была мама, и всякими новостями, что в свете сейчас делается, поделились.

- Ой, ну милые вы мои, пойду я, а то совсем засиделась у вас, - спешно засобиралась тетя Паша, взглянув на часы. – Никитушка, а ты проводи меня до дома, а то совсем темно стало.

- Да, сейчас!

Тетя Паша, конечно же, бы, и сама дошла до дома, тем более он рядом, практически рукой подать, но она была женщина очень умная и рассудительная и не просто так позвала Никиту, чтобы он ее проводил, это был повод для серьезного разговора с ним.

Когда они вышли на улицу, тетя Паша и начала свою беседу с Никитой, о том, как еще можно помочь его жене справиться с ее недугом.

- Слушай-ка, Никита, вот, что я хочу рассказать тебе. У нас в соседней деревне живет знахарка, на ноги поднимает даже самых безнадежных, от кого уже просто отказались врачи не в силах больше ничем помочь. Ты, конечно, решение будешь принимать сам, вы же сейчас не верите ни в каких народных целителей, знахарей, вы верите только врачам и надеетесь и полагаетесь только на них, но ведь они, к сожалению, не Боги. Не все еще знают и умеют. А ведь раньше, когда врачей не было, лечились только у знахарей и травников и ничего! Решать тебе, но, как вариант, попробовать можно, хуже твоей жене от этого точно не станет!

- Знахарка, конечно женщина молчаливая, неприветливая, но дело свое знает и, если уж она взялась лечить человека, то радуйтесь, значит, она его точно поставит на ноги. Знахари ведь не просто лечат болезнь, они ее еще и видят, и чувствуют. Поэтому и знают, как этот недуг вылечить, а не просто методом тыка лечат, если одни таблетки не помогли – выпишут другие. Тут совсем все по-другому. Целитель видит, где и что болит, это еще ясновидением называется, поэтому знает, как и что лечить, но решать вам. Захотите съездить к ней, объясню, как добраться до нее. Думайте! Я не настаиваю, но думаю, что и этот вариант тоже можно попробовать!

- Теть Паш, ну о чем вы?! Сашу лечили в самой лучшей клинике в Германии и результат, видите, какой?!

- Я так и думала, что ты мне так ответишь! А нужно попробовать все! Это я так считаю! Главное, лишь бы помогло, а как лечили и чем лечили – это не важно! Ну, я сказала – а вы думайте. Настаивать ни на чем не буду.

- Хорошо, теть Паш, мы подумаем!

Никита вернулся домой, помог жену уложить в постель, а сам начал убирать со стола. Он даже и не принял всерьез разговор с тетей Пашей, поэтому ничего не сказал и Саше об этом. В 21 веке и какие-то знахарки, средневековье какое-то, - просто решил он для себя.

Время шло, на улице уже властвовала настоящая зима, а состояние Саши оставалось прежним. Казалось бы, что еще нужно, Никита делал все возможное для жены, даже сам массаж научился делать. И все, что было в его силах, он делал. Но результат оставался прежним, как будто бы болезнь замерла на одном месте. У Никиты, порой, наступало самое настоящее отчаяние, он уже не знал, чем и как он еще может помочь жене выздороветь. И в один из таких дней он вспомнил тот разговор с тетей Пашей о знахарке.

- А почему бы не попробовать, а вдруг и вправду она поможет?! – размышлял он. Вечером он решил поговорить с женой по этому поводу, хотя заблаговременно знал, что Саша сразу же категорически откажется от данного предложения. Но все же он решил поговорить об этом.

Как ни странно было для него, но Саша согласилась съездить с ним в соседнюю деревню к этой знахарке чисто из любопытства. Что может сделать обычная деревенская женщина, которая не врач и не имеет никакого медицинского образования наверняка. Но она согласилась…

Никита, в этот же день сбегал до тети Паши, спросил, как можно найти эту знахарку и следующим утром они решили съездить к ней.

Утром, подъехав к дому знахарки, Никита тихонечко постучал в окно.

- Заходите, коль приехали! – услышали они неприветливый голос знахарки. Они прошли в дом.

- Садитесь! – любезно указала она на диван. – С чем пожаловали ко мне я и без вас знаю. Можете не рассказывать мне ни о чем! Но скажу вам сразу, что сейчас я вас принять на лечение не могу, потому что вы еще не готовы к нему!

У Никиты и Саши от такого заключения знахарки просто застыл немой вопрос в глазах. Они не поняли ее слов, то есть именно то, что они не готовы к лечению. Как и почему, вот это для них было полной загадкой.

- А что вы так на меня смотрите?! Скажете я не права? Так ведь, милые мои, болезнь никому так просто не дается! Она чему-то учит людей! Вас пока ничему еще не научила!

Что для вас самое главное в жизни было? Деньги, карьера! А для чего вы живете и для чего дается каждому человеку жизнь вы так и не поняли!

Вот ты, например, - она повернулась к Никите, - как ты раньше относился к своей жене? Ее как будто у тебя и не было! И кричал на нее и недовольства свои выражал… Ты только сейчас понял, когда у тебя жена заболела, насколько она тебе дорога! А где ты раньше был?! Жена у тебя другой не стала! Просто ты понял, и, слава Богу, какое сокровище живет рядом с тобой! Вот когда поймете, для чего вам дана жизнь и почему такое несчастье случилось в вашей семье, тогда и приезжайте! А вылечить ее - я вылечу! Не таких поднимала на ноги! А пока, до свидания!

Никита казался себе униженным и оскорбленным до слез. Почему эта женщина может так разговаривать с ним? И откуда она знает про их жизнь, как они жили и, что у них сейчас происходит?

Они вернулись с женой домой и решили, что больше никогда не поедут ни к каким знахаркам. Он делал все возможное для своей жены, чтобы она выздоровела, а она так грубо обошлась с ним. За что?

Но слова знахарки, как будто засели в его голове, и он постоянно думал об этом. Он за последние дни практически проанализировал всю свою жизнь.

- А ведь эта женщина, действительно, была права тогда! – однажды он вывел для себя. – Действительно, мы жили только ради карьеры и денег, чтобы не быть хуже других! И кому мы что доказали этим? – размышлял он. Их семья от этого счастливее не стала! От количества партнеров, денег. Ведь он о Саше начал заботиться и помогать ей только тогда, когда понял, что может потерять ее насовсем! А если бы этого не случилось, все бы в их жизни продолжалось точно так же! Только болезнь Саши снова сблизила их и дала понять, насколько они любят друг друга! Вот что главное в жизни! Любовь! Семья и здоровье!

Никиту, как осенило: «Так вот о чем говорила нам тогда эта знахарка! Да, мудрая женщина! Видно уже многое повидала в своей жизни! За деньги ни здоровье, ни любовь, ни жизнь не купишь, как бы много их у тебя не было!»

Долго еще так Никита мучился от обидных слов знахарки, но в итоге понял, что она была права! А главное, это то, что она сказала, что она может вылечить Сашу! Вот это сейчас и не давало покоя Никите.

- А, может, и правда, поможет! Попробовать-то можно, хуже она не сделает – это точно! – сделал он для себя заключение.

Вечером за ужином он решил снова поговорить на эту тему с женой. Саша, даже не возражала, она хотела только выздороветь, а каким путем для нее совсем было не важно!

На следующий день они снова поехали к той знахарке.

На этот раз она их встретила уже более приветливо. Лишь сказала:

- А вот сейчас, ты милый, оставь ее здесь недельки на две! Потом приедешь навестить. Не бойся за нее, плохого я твоей жене ничего не

сделаю! Эх, если бы вы ко мне до операции еще приехали! Мне бы тогда было проще ее вылечить!

- Ну, все, ступай! Приедешь навестить через две недели!

Никита, даже не стал возражать этой женщине. – Значит, так нужно! - успокаивал он себя.

Никита подъехал к своему дому, но так и остался сидеть в машине. В голову лезли разные мысли: и о Саше, как она там будет без его помощи, и о будущем.

- Да, вот такие дела! – думал Никита, - если эта женщина, действительно, поможет Саше, то я ничего не пожалею для нее. Ради такого никаких денег не жалко!

Вдруг в стекло машины постучали.

- А ты чего, милый, один? А где Саша? – спрашивала его тетя Паша. Она в это время огребала снег у калитки.

- Теть Паш, Сашу я оставил у знахарки! Она попросила, чтобы жена моя пожила у нее две недельки.

- Ну, так, дружок, а ты чего расстроился-то? Радоваться надо! Если уж тетя Маша взялась за ее лечение, значит, обязательно поможет ей!- успокаивала его соседка.

- Вы, правда, так думаете?

- Да я больше, чем уверена! – подбадривала она Никиту.

- А ты чего загрустил-то совсем? А ну-ка, выходи из машины, и пойдем ко мне чайку попьем! Давай, давай. Нечего тут переживать ни о чем!

Никита послушно поплелся за ней в дом. Долго они еще беседовали о разном, так что домой Никита уже вернулся затемно.

Лег спать, но уснуть так и не смог, только ворочался с боку на бок. Заснул лишь под утро. И приснился ему такой красивый и радостный сон, которых он давно в последнее время просто не видел. Как будто бежит к нему по ромашковому полю Саша и вся такая радостная, веселая. И кричит ему издалека: «Никита, я хожу! Я хожу-у-у-у-у-у!

Никита проснулся и долго еще эта картинка из сна, крутилась у него в голове. Так было тепло и хорошо на душе, от увиденного во сне, что даже не хотелось выпрыгивать из теплой постели. Но нужно уже было вставать, топить печку, да и заняться домашними делами.

Эти две недели, пока Саша была у знахарки, для Никиты показались настоящей вечностью. Жить в полном неведении, что и как там с его женой, оказалось для него очень трудным.

Но вот и наступил этот день, когда можно было ехать за женой. Волнение переполняло его. Он все думал, какой он сейчас увидит свою Сашу. Прямо с самого раннего утра он накупил всяких гостинцев для тети Маши, в знак благодарности и сразу поехал до соседней деревни.

Когда заходил в дом к знахарке, сердце готово было выпрыгнуть из груди, так билось. Он так волновался, желая увидеть свою жену, но уже здоровую.

- А, ну вот и гости пожаловали! – завидев его в дверях, проговорила тетя Маша. - Саша, иди, дорогая, встречай мужа!

Саша вышла из соседней комнаты на костылях, но такая радостная и счастливая. Она даже не дала ничего спросить Никите, сама начала радостный разговор с ним.

- Никита, ты видишь?! Ты видишь это?! Я сама встаю и уже хожу без помощи кого-то! – выпалила она ему, вся светившись от счастья. – Тетя Маша сказала мне, что скоро я буду, вообще, без костылей ходить!

- Сашенька, милая ты моя! Так это просто здорово! – он не верил просто своим глазам, как такое можно сделать за две недели.

- Ну, поворкуйте, поворкуйте, голубки! – говорила им тетя Маша. А я пока по своим делам схожу.

И пока знахарка отсутствовала, Саша очень многое рассказала Никите, как ее лечила тетя Маша, и какая она на самом деле хорошая и заботливая, а еще и очень мудрая женщина.

- Никита, ты даже не представляешь себе! Никаких таблеток! Она просто заваривала мне какие-то травы, пошепчет что-то на отвар и давала мне пить. А я с этого отвара только и спала и с каждым днем чувствовала себя все сильнее, как ко мне возвращаются силы. А еще она мне в баньке спину, позвоночник правила, ну по-нашему – это как мануальный терапевт. Говорила, что в баньке все косточки распариваются и их легче на место поставить. Ну, вот, видишь, я уже сама могу вставать и ходить одна. Пусть пока еще на костылях, но я сама хожу!

- Я очень рад, Сашенька, что лечение пошло тебе на пользу! Ты даже не можешь представить насколько я рад. И у Никиты на глазах навернулись слезы. Он так долго ждал этого момента, когда его жене станет хоть немного лучше.

Пока они беседовали, вернулась тетя Маша. Никита сразу же к ней.

- Дорогая вы моя! Спасибо вам за все! – и он спешно начал доставать, все, что накупил в магазине из сумки, выкладывая все на стол.

- Никитушка, а вот этого всего мне не нужно! Зачем ты тратился?!

- Ну, может, тогда хоть деньги возьмете? – Никита не знал, как и благодарить эту женщину.

- Ни в коем случае! Даже не предлагай! Я не ради денег лечу, а чтобы человеку здоровье вернуть! Для меня это лучшая награда, когда я смогла помочь человеку! Хотя, что вы понимаете в этом?!

- А ты, милый, больно-то не радуйся! Саша еще останется у меня недельки на две! А потом и забирай свою любимую!

- Хорошо, хорошо! – Никита уже даже ничему и не противился. А только послушно делал все то, что говорила ему знахарка.

- А можно я еще немного побуду со своей женой? – только и спросил он у нее.

- Да, конечно! Соскучился, поди, за это время по ней?

- Очень, теть Маша!

- Это хорошо! Это хорошо, что ты так любишь ее! Любовь – она все исцеляет! И это главное, что нужно каждому человеку! Когда здоровья нет, то никакие богатства и убранства не нужны!

- Это точно, тетя Маша!

- Ну, слава Богу, что хоть сейчас вы это поняли! – Давай, садись к столу, чаю попьем! А потом, езжай домой, а мы с Сашенькой будет продолжать наше лечение!

Никита снова вернулся домой, но эти две недели для него уже не казались вечностью. Он с такой радостью делал все по дому, решил сделать генеральную уборку, чтобы, когда приедет жена, дома было все в ажуре. Хотел порадовать ее домашним уютом.

Когда Никита вновь подъехал в назначенный день к дому знахарки, Саша, завидев его в окно, вышла с тросточкой на крыльцо и с такой нежностью обняла его.

- Никита, ты видишь, я хожу! Я сама хожу-у-у-у!- она просто светилась от счастья.

- Вижу, дорогая, вижу!- и тут ему вспомнился тот сон, когда он видел, что она бежит к нему по ромашковому полю и радостно кричит: «Никита, я хожу! Я хожу-у-у-у-у!

- Ну, пойдем в дом, а то простынешь! – заботливо сказал он жене.

- Никита не зашел, а влетел в дом. Он стал обнимать и благодарить тетю Машу за все, что она сделала для них!

- Да, что ты, что ты, успокойся! – приговаривала она.

- Чем мне вас отблагодарить тетя Маша? Скажите, я все сделаю для вас, все, что вы захотите!

- Ой, господи, не смеши меня! – говорила она в ответ. – Ничего мне не нужно! Много ли мне нужно для счастья?! Вот помогла твоей жене и это лучшая награда для меня! Большего мне и не нужно! И поймите самое главное, Сашу вылечила не я, а ваша любовь друг к другу! А любовь исцеляет все! А я лишь только помогла чем смогла вам. А сейчас можешь забирать свою жену домой! Но с одним условием, вам нужно сейчас ребеночка обязательно родить. После родов у женщины весь организм обновляется! Все поняли?!

- Да, тетя Маша, поняли! – радовались они оба.

- И в свою Москву ни ногой! Здесь ваше место, на родине, где ты родился! Москва снова все силы заберет у Саши! Ей нужен свежий воздух, никаких потрясений и волнений. И обязательно родить ребеночка! А работу и здесь найти можно, без денег вы не останетесь! У вас у обоих светлые, умные головы, выход найдете сами. Вон сейчас в вашем интернете сколько всякой работы, вот и работайте себе на радость!

- Все, ступайте, милые мои, ступайте! – Если, что нужно будет, приезжайте! Всегда помогу вам!

- Спасибо, теть Маша, спасибо! – Никита даже терялся в догадках, как и отблагодарить эту милую женщину.

Саша оделась, и они вышли на улицу. По дороге домой Саша без умолку рассказывала о способностях тети Маши.

- Представляешь, она все видит и знает. Она видит, какая болезнь у человека, как рентген, видит все его органы! А еще она может рассказать все твое прошлое и даже будущее! Но она не любит этого делать. Представляешь, что она тем людям говорит, которые к ней приезжают и спрашивают о своем прошлом? Она им говорит, что вы свое прошлое и без меня знаете, а если хотите проверить мои способности, то у меня тут не цирк – фокусов я не показываю! И что будущее, что будет у человека лучше не говорить, а то человек просто перестает жить настоящей жизнью. Она говорит, что если человеку скажешь, что-то о плохом, он начинает только расстраиваться и ждать этого плохого дня, так что это хуже для него бывает. А скажешь о том, что будет хорошее, так человек перестает стремиться к чему-то сам, он уже знает, что с ним будет в дальнейшем и, как манны с неба ждет этого события. Ой, она такая умная женщина! Я просто балдела от нее. Сколько она всего знает и умеет! Я таких людей просто впервые вижу. Вот тебе и знахарка! Кто бы мог поверить, что есть такие люди на земле, если бы не мой случай?!

Через некоторое время, Саша уже могла ходить даже без тросточки. Она была так рада и счастлива, что снова здорова. Потом она с удовольствием начала заниматься переводами книг различных писателей на немецкий и английский языки, за что получала приличные гонорары. А еще через некоторое время у них родилась двойня. Соседка, тетя Паша, практически не отходила от них, нянчилась с ними, как со своими родными внуками. А как были рады этому событию сами Никита с Сашей, они даже и не предполагали, какая это радость растить и воспитывать своих детей! Они еще никогда не были так счастливы. Вот она где настоящая радость жизни: не в больших городах и мегаполисах, не количестве денег и не там, где ты живешь, а как ты живешь где-либо! Правильно в народе говорят, что не место красит человека, а человек место!

А Никита, вы даже не поверите, он и сам не ожидал от себя таких способностей. Никита сначала написал роман о их жизни с Сашей, только

изменил имена героев. А потом у него пошло и дальше, творчество стало для него его смыслом жизни. Он стал известным писателем не только в России, но и за рубежом – Саша тоже переводила его книги на английский и немецкий языки.

Если я заболею...

- Нет, болею я, конечно, редко! И слава Богу! Не дай Бог никому такого счастья, болеть и потом ходить по врачам. Лично я очень не люблю все эти хождения по мукам, когда придешь с одной болезнью, а тебя начинают гонять по кабинетам, то флюорографию сделать, то анализы сдать, а то и еще к какому специалисту направят. И ходишь так целыми днями по больнице вместо того, чтобы спокойно лежать дома в своей постельке и тихонечко лечиться. Да ведь по идее-то к врачам мы ходим только от случая к случаю, когда уже совсем прижмет. И то в основном - за больничным, или иначе прогул. Кто тебе поверит без больничного, что ты действительно болел, а не прикидывался шлангом.

Вот и у меня тут случилась такая оказия, простыл где-то, в результате ангина, да еще и фолликулярная, как мне объяснил врач со скорой, когда приезжал ко мне по вызову, температура очень высокая поднялась – пришлось вызвать. Хотел было дня за два отлежаться и снова на работу, тем более как раз были выходные, когда я заболел. Да вот не получилось, маленькие вирусы в миллионном войске против моего организма оказались сильнее. Что может коллектив, даже в этом плане!

В итоге утром в понедельник я плетусь в местную поликлинику, как на гильотину, заведомо зная, что тебя там ждет. Без флюорографии врач не примет, томления в долгожданных очередях у кабинетов врачей и т. д.

Пришел, сижу спокойно, жду вызова врача ЛОРа. Ну, раз у меня ангина, значит, болит горло, и я, как самый умный, записался к нему на прием. Наконец- то, вызвали к врачу.

- Что у вас? – сходу задает мне вопрос врач стандартной фразой, едва я успел присесть на стул рядом с ним.

Когда мне задают такой обобщающий вопрос, я даже теряюсь, что и ответить. Так и хочется ответить: « У меня: кредиты - ипотека, квартира, дача, машина, жена, дети, собака, кот и маленькая зарплата - недостойная моих умений и знаний!».

- У меня ангина! – все-таки ответил я. Хотя так и подмывало сказать в таких ситуациях, как Винокур: «Доктор, у меня это…».

- Откройте рот. Да, действительно, ангина на лицо, причем фолликулярная.

Такие заболевания лечит терапевт, а не ЛОР! Идите к нему!

Я послушно иду с больничной карточкой к терапевту. А там такая очередь! Но снова сижу и жду вызова. Ведь больничный-то мне все равно нужен. Битый час просидел у кабинета ЛОРа, сколько еще здесь просидишь в ожидании, когда тебя осмотрит врач… А голова просто «раскалывается», так и хочется побыстрее уйти домой, да улечься в постель, чтобы тебя никто не трогал и не доставал. Но скучать в очереди не пришлось, больные у нас уж очень народ интересный. Рядом со мной сидевшие бабули охали, да ахали, рассказывая каждая друг другу о своих болячках во всех подробностях.

Причем, каждая из бабулей старалась перещеголять другую, доказывая ей, что у тебя-то еще ничего, а меня-то смотри что!..

- Нашли чем хвастаться?! – думал я тогда. Лучше бы своими кулинарными рецептами делились или трудовыми подвигами и то пользы больше!

- Сходила вот к терапéйцу, голова больно болит. Надо еще к глазнюку сходить, - начинает разговор со мной еще прыткая по своим годам бабулька, - так ты, милай, не знаешь где это?

- Нет! – сухо отвечаю я. – Спросите у врачей, они больше знают!

В этот момент из кабинета напротив выходит врач – «гинеколог» прочитал я на табличке его кабинета и направляется по коридору в соседний кабинет.

Старушка мигом подпрыгнула к нему. Откуда и столько энергии в этой сухонькой бабуле?..

- Ой, милай?! – хватает она его за рукав халата. – Ты случаем, не знаешь где тут глазнюк-от принимает?

- В 31 кабинете, бабушка, по коридору налево последняя дверь,- отвечает на ходу ей врач.

- А то я что-то плохо видеть стала! – продолжает свой разговор с врачом старушка. А, может, еще подскажешь, где и ушнюк принимает? Я и уши за одним проверю, раз пришла в больницу, а то на уши слаба стала…

- Бабушка, это на втором этаже! – отвечал ей врач, продолжая свой путь по коридору.

Сижу я и думаю про себя: «А как бы она интересно его – гинеколога бы назвала, если бы обратилась к нему?» Сижу и ухмыляюсь про себя, даже про болячки забыл. Сидим, очередь нисколько не продвигается, никого не вызывают, хотя по расписанию пора бы уже начать прием. Очередь волнуется: «Сегодня принимать будут или нет?! Чай что ли там пьют? – сидит гундосит себе по нос полный мужчина.

Рядом в соседний кабинет тоже толпится очередь. «Флюорография» прочитал я на табличке кабинета. Вдруг дверь кабинета открывается:

- Так, у кого 21, 22, 23 номера? – спрашивает медсестра, обращаясь к очереди, стоящей у кабинета. Встало несколько человек.

- Нет, вы, мужчина! Поэтому сидите - сначала женщины! – привычной фразой заключает она.

Я опять сижу и ухмыляюсь про себя: «Блин, как в концлагере - по номерам!.. Видно, просто в порядке очереди этого сделать нельзя?! Почему-то сразу пришла на ум фраза из фильма: «Тридцатого обезвредить!..»

Сижу сам собой улыбаюсь:

- Ну, просто, «Аншлаг» какой-то! Не хуже, чем у Регины Дубовицкой. И телевизор смотреть не надо! – Вообще-то я болею или как? – думал я про себя. – Что-то слишком мне весело тут стало!

- Сидоров! – наконец, слышу я свою фамилию.

Вхожу в кабинет врача, присаживаюсь рядом с ним.

- Что у вас? – опять слышу я тот же самый вопрос.

- У меня ангина! – почти заученно отвечаю я.

- Откройте рот.

Я послушно открываю рот.

- Да, вообще-то у вас ангины не наблюдается! – делает заключение терапевт. А я сижу в полном недоумении, что как такое может быть у ЛОРа был – он сказал что у меня фолликулярная ангина, а у терапевта, значит - нет! Неужели за час все прошло! Странно!

- У вас ОРЗ! – заключил врач.

- Давайте, сначала я вам давление померяю, а потом послушаю вас!

- Сейчас, я только пиджак сниму! – послушно соглашаюсь я с врачом.

- Нет, не нужно! Садитесь! – приказывает мне терапевт. И доктор прямо на пиджак накладывает мне манжетку тонометра. Импульсивно работает грушей, фонендоскоп ложится мне на сгиб в локте тоже прямо на пиджак.

- Здорово! – думаю я в этот момент. – До чего дошел прогресс!.. При этом глаза у меня расширились, наверное, как плошки.

- У вас пониженное давление? – спрашивает меня врач.

- Наверное?! – бессвязно отвечаю я ей в недоумении.

- Сейчас температуру померяйте! – и терапевт ловко достает градусник из стаканчика. А я сижу в этот момент и думаю: «А градусник, как обычно ставить под мышку ил сейчас тоже можно температуру узнать через пиджак?! Я повертел градусник в руках и все же, как обычно сунул его под мышку.

- Температура у вас нормальная!

- Еще бы! – думаю я, - сколько всяких таблеток наглотался, чтобы высокую температуру сбить! Все, думаю, влип, очкарик! Температуры нет! Просто какое-то ОРЗ – больничного мне не видать, как своих ушей!

- Давайте, я вас еще послушаю!

- Мне раздеться? – спрашиваю я врача.

- Нет, не нужно!

В моих глазах застыл немой вопрос… Я все-таки решил хотя бы поднять рубашку. Ткнув, точнее сказать, коснувшись, несколько раз моего тела фонендоскопом, врач завершил осмотр.

- Выпишите ему больничный! – обратилась она к медсестре и вот эти препараты. – У вас ОРЗ! – продолжал терапевт. Простыли, наверное, где-то! Рецепты подождите в коридоре. Завтра утром сдайте общий анализ мочи и крови.

- Ну, еще бы! – думаю я, – как не простыть!? Если уже середина октября, а отопительный сезон еще не начали и дома батареи, как айсберг

холодные. Наверное, для того и простужают людей, чтобы отопительный сезон оттянуть на дольше. Так каждый сам себя обогревает. Лежишь, температура под 40, какие там батареи и так жарко, как на юге! А, если болеет вся семья, ну так, друг от друга заразившись, так ведь это в квартире просто оазис!

Сижу в коридоре в ожидании рецептов и опять ухмыляюсь про себя: «Сейчас выпишет мне таблетки № 6, которые от всех болезней помогают – это, как в анекдоте, что от поноса, что от кашля – одна и та же таблетка!»

Выходит медсестра, выносит мне рецепты.

- Вот это принимайте, курс лечения и прием препаратов все написано на рецепте! – заключила она. И дает мне вместо обычных рецептов, просто листочки бумаги, где написаны препараты на латыни.

Я вышел на улицу и думаю: «И в какую аптеку мне бежать с этими бумажками, в которой мне выдадут лекарства вот по этим бумажкам? Вот это прогресс! Сейчас, наверное, хоть на туалетной бумаге пиши рецепты, все равно выдадут – были бы деньги!»

- Да и, вообще, зачем нужны эти рецепты? Самый проверенный дедовский способ – это сто грамм водочки с перчиком и утром, как огурчик! А не поможет, тогда применить лечебное голодание, сейчас это модно стало. Одна женщина, говорят, 96 дней голодала, и вылечилась! Я бы, наверное, умер! А что, хорошая реклама! Это же никаких проблем! Зачем народу зарплата, если он весь подсядет на лечебное голодание?! Это же какая экономия в стране будет!? Сколько продуктов сэкономится! А то все заработанные кровным трудом деньги спускаем в унитаз в конечном итоге. А ведь сколько умных книжек понаписали про лечебное голодание, где объясняется, как подготовиться к голоданию, а потом как правильно выйти из него!.. А чего тут объяснять, голодаешь – значит - не ешь, вышел из этого состояния – начал есть и все! Чего тут мудрить?! А мне думается до того, как ты начнешь выходить из лечебного голодания, тебя быстрее вперед ногами вынесут и все!.. А ведь намудрили…

Вышел я из больницы, иду по улице и на уме, просто сама собой навязавшая песня звучит в голове - … «Если я заболею, к врачам обращаться не стану!..»

Оглавление

Профессор 2

Подарок судьбы 6

В память о родине 15

Мама 16

Домой – в гости 25

Митяй 33

Пошутили… 41

Смех, да и только… 51

Лапотница 58

Августа 64

Военное детство мое 71

Знахарка 76

Если я заболею… 99

Елена Ивановна Ершова (1963 г. р.) – писатель, поэтесса, композитор и автор-исполнитель песенных произведений.

Родилась в г. Нолинске. По специальности – педагог, по профессии – журналист. До 1996 года жила и работала в г. Нолинске, потом в г. Кирове. В 2008 году вернулась обратно на родину в г. Нолинск.

Елена Ершова не только писатель и поэтесса, но и автор многих песен, как на свои стихи, так и стихи земляков и других известных поэтов.

Елена Ершова член Международного Союза Писателей (ИСП, в статусе кандидата) и член Российского Союза писателей. Печаталась в сборниках «Под сенью древней Спаса» (1999 г., г. Слободской), «Парус» (2014 г., г. Нолинск), «Победители» (2015 г., г. Киров), «Верные друзья» (2016 г., г. Нолинск), «Слободской меридиан» (2016 г., г. Киров), «Волшебное детство» (2017 г., г. Нолинск – авторский сборник стихов), «Дай насладиться тобой, природа» (2017 г., г. Нолинск - авторский сборник стихов), «Я заново жизнь примерила» (2017 г., г. Нолинск - авторский сборник стихов), «Судьбы моей разбитое корыто вдруг обернулось мудростью в стихах» (2017 г., г. Нолинск – авторский сборник стихов), «Разумное, доброе, вечное» (2017 г., г. Киров), альманах «Георгиевская лента» (2017 г., г. Москва, РСП), альманах «Русь моя» (2017 г., Москва, РСП), альманах «Поэт года – 2017 г., Москва, РСП), альманах «Российский колокол» - «Осенний поцелуй» (2017 г., Москва, ИСП), альманах «Российский колокол – «Что год грядущий нам готовит...» (2017 г., Москва, ИСП), альманах «Современная поэзия» (2017 г., Москва, ИСП), «Облава» (2018 г., г. Киров).

Елена участник и победитель многочисленных фестивалей – конкурсов авторской песни: «Грикландия», «Душа гитары», «Новое Имя», последний из которых создала сама в г. Нолинске в 2015 году, и сейчас он проводится ежегодно.

Кроме того Елена в 2017 году стала победителем Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2017», за участие в этом конкурсе награждена медалью «Герои Великой Победы», дипломом и значком победителя конкурса «Призер конкурса».

В 2017 году Елена, участвуя в конкурсах на портале стихи.ру, стала номинантом на литературные премии: "Георгиевская лента", Есенинскую премию "Русь моя" и на национальную литературную премию "Поэт года - 2017".

А также Елена в 2017 году стала номинантом на Российскую литературную премию в Международном Союзе писателей (ИСП).

В 2017 году Елена победила в ежегодном городском конкурсе «Человек года – 2017» (г. Нолинск), в номинации «Вдохновение» – за достижения в области искусства, культуры, архитектуры и иных сферах деятельности, и награждена Дипломом и статуэткой «Человек года – 2017»

Работала журналистом в газетах: «Сельская новь» (г. Нолинск), «Киров вечерний» (г. Киров), «Новое племя» (г. Киров) - журналист и редактор газеты «МК на Вятке» (г. Киров).

Сейчас занимается творческой деятельностью.